

Адалин Черно

ВНЕБРАЧНЫЙ СЫН

Адалин Черно
Внебрачный сын
Серия «Второй шанс
(Адалин Черно)», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68780157

Аннотация

Шесть лет назад я уехала из страны, чтобы навсегда вычеркнуть его из своей жизни. Он растоптал мою гордость и прошелся по любящему сердцу, но оставил подарок в виде двух полосок на тесте.

Сейчас он – успешный пластический хирург. Карьерист без семьи и привязанностей, как всегда и мечтал. А я писательница, утратившая доверие к мужчинам и воспитывающая сына. Его сына.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	59
Глава 13	64
Глава 14	69
Глава 15	73
Глава 16	77
Глава 17	81
Глава 18	86
Глава 19	90
Глава 20	94
Глава 21	97
Глава 22	99
Глава 23	103

Адалин Черно Внебрачный сын

Глава 1

Оля

Я никогда не представляла нашу встречу. Мы физически не могли случайно пересечься или столкнуться в одном из магазинов торгового центра. Даже с учетом того, что последний месяц я провела в своем родном городе, это казалось невозможным.

Но Новый год закончился сломанным носом и встречей с бывшим. Он оказался тем самым «лучшим хирургом-пластиком», которого вызвонили через полчаса после боя курантов.

Пока Измайлов, весь такой красивый и сосредоточенный, берет в руки мой лист поступления, я вдруг вспоминаю, как моя подруга однажды сказала:

«Мечтаю выйти из дорогого автомобиля и увидеть бывшего с веником в руках. Я пройду мимо, взглянув на него, как на пыль под ногами, а он... он с тоской посмотрит мне вслед».

Ни о какой тоске во взгляде Измайлова речи не идет. Хотя я вру. Где-то в глубине его взгляда она все же присутствует. Да и как не тосковать по новогоднему торжеству, от которого его бесцеремонно оторвали, чтобы осмотреть и зашить нос бывшей?

Прямо сейчас мне, словно маленькой девочке, хочется спрыгнуть с кушетки и, заверив доктора, что все в порядке, упорхнуть из кабинета. Ну или провалиться сквозь землю.

Самое ужасное, что всё то, что мне когда-то описывала подруга, могло стать реальностью. У меня есть дорогая машина, а Макар вполне мог быть на месте дворника. Шесть лет назад, когда мы с ним виделись в последний раз, у него за душой не было ни гроша.

И вот мы в одном кабинете. Я не могу посмотреть на него, как на пыль под ногами, потому что от его рук теперь зависит моя красота. Вместе с переломом у меня рассечение тканей, которое он должен зашить так, чтобы не осталось и следа. Приходится смотреть с уважением и надеждой. И с завистью, конечно, потому что Измайлов выглядит безупречно.

Для пластического хирурга внешний вид – основа успеха. Никто не доверит свою красоту человеку, который выглядит, как фото «до».

– Здравствуй, Оля.

Конечно, он узнал. Не по внешности, разумеется, по фамилии в листе поступления. Выгляжу я сейчас наверняка не очень. В зеркало посмотреть времени не было: боль, шок,

звонок в скорую и срочная госпитализация, снимки. Я даже, дожидаясь врача в кабинете, не подумала о зеркале. Что там посмотреть, если мой нос мельтешит перед глазами?

– Здравствуй, Макар.

Мы шесть лет не виделись, а он почти не изменился. Повзрослел, стал шире в плечах и возмужал. Не постарел ни на день, выглядит, будто сошел с обложки журнала. Возможно, конечно, пластика, но я же вижу, что нет. Черты лица остались прежними: тот же прямой нос с острым кончиком, те же глубоко посаженные глаза, густые брови, очерченные скулы и цепкий взгляд. Он и тогда-то был красивым настолько, что девушки за ним толпами бегали. А я утопала в тщеславии, видите, мол, выбрал меня, а не вас.

– Я задам несколько вопросов, постарайся ответить честно, – переходит на строгий профессиональный тон.

– Хорошо.

– Головокружение, тошнота, дезориентация, спутанность сознания?

– Тошнота немного, но это скорее от выпитого шампанского.

– Затрудненность носового дыхания, потеря обоняния?

Я тут же тяну носом.

– Есть.

– Снимки уже сделали, в течение пятнадцати минут они будут готовы. По рентгену у тебя перелом носа, КТ делали, чтобы убедиться, что кости черепа в порядке.

– Так долго? – растерянно спрашиваю.

Последний раз мне делали снимки год назад, но тогда я ждала результатов какие-то минуты, а сейчас прошло уже больше получаса.

– Новый год, – пожимает плечами Макар. – Даже ты вот нос умудрилась сломать, а не выглядишь искательницей приключений.

– Это случайность! – вспыхиваю. – Я на салюты выходила посмотреть и...

Замолкаю. Зачем я вообще рассказываю? Какая разница, как я получила перелом? Его дело – заштопать мой нос и лоб так, чтобы я не смотрела на себя с отвращением. Жена брата Стаса заверила, что знает лучшего хирурга и постарается уговорить его приехать. Конечно, я не стала отказываться. Это ведь мое лицо.

– Не расскажешь? У нас пятнадцать минут до снимков. Можем заполнить паузу разговором.

– С чего бы такое желание со мной поговорить?

– Сочувствие? – он пожимает плечами. – Я привык, что пациенты любят разговаривать, рассказывать что-то из своей жизни, например.

– Я не люблю.

– Можешь молчать.

– Что будет, если кости черепа не сломаны?

Измайлов едва заметно улыбается. Я обещала молчать, но продержалась не больше минуты. Я соврала. Я как раз из тех

пациентов, которые любят разговаривать, но по большей части задавать вопросы о том, каким будет лечение, что ожидать от болезни и так далее.

– Операция. Вызову анестезиолога, сделаем наркоз. Пару дней побудешь под наблюдением и пойдешь домой. Придется еще походить на вправление носа, но это уже не ко мне. К тому врачу, который диагностировал тебе перелом и отправил на КТ.

– Хорошо. А шрамы... они будут заметны?

– Я не бог, Оля. Конечно, ты заметишь, что шили, но в глаза это бросаться не будет. Спустя время следы от вмешательства станут совсем незаметны. Косметология в этом плане шагнула далеко вперед.

Замечу, что шили. На моем теле и так слишком много шрамов после предыдущих операций. Тогда рядом не было того самого лучшего хирурга-пластика, который зашил бы меня так, чтобы почти не осталось следа.

А еще мой полет домой снова откладывается. Я должна была улететь за две недели до Нового года. Прилетела я в начале декабря, чтобы повидаться с братом и его детьми, а еще успеть побывать на девичнике и свадьбе подруги, которая совсем недавно променяла беззаботную жизнь в Штатах на идентичную, но уже в родной стране.

Вылететь мне не дали из-за долга, который скопился по налогу на автомобиль. Машину я продала больше семи лет назад, а долг там какой-то заоблачный. И ведь доказать ниче-

го не смогла. Никто не выпустит из страны человека, у которого есть долги перед государством. Пришлось разбираться, но так как на носу праздники, я так ничего и не смогла добиться, а ближе к Новому году и вовсе решила успокоиться. Пройдут праздники – всё решу. Домой я не спешу, в деньгах не стеснена, работа у меня в моем стареньком макбуке.

Все казалось простым до момента госпитализации, но и это, оказывается, не весь ужас. Хуже то, что я сижу перед Макаром Измайловым. Человеком, который шесть лет назад разбил мне сердце и оставил подарок в виде двух полосок на тесте. Теперь я воспитываю его сына, а он дарит красоту людям и понятия не имеет, что в мире есть еще один человек с таким же аквамаринovým цветом глаз.

Глава 2

– Что там, Мариша? Когда снимки будут готовы?

Голос Макара звучит немного устало. Он придерживает телефон плечом, а сам рассматривает мой рентгеновский снимок. Откладывает его в сторону, опускает голову и проводит по векам и переносице пальцами.

– Хорошо, понял. Ждем.

– Еще нет? – осторожно уточняю.

– Нет.

– Ты уверен, что сможешь оперировать?

Спрашивать такое у бывшего, конечно, неприятно, но будь на его месте любой другой хирург, я спросила бы то же самое. В час ночи первого января трезвыми остаются только язвенники и закодированные. Даже от дежурного врача, который меня осматривал, несло перегаром.

– Намекаешь, что я пришел на работу пьяным? – с усмешкой спрашивает Измайлов.

– Праздник ведь, а ты...

– А я выпил полбутылки вискаря, взял трубку, хотя знал, что звонят с работы, сел за руль и примчался сюда, сбивая по пути мусорки, как кегли. Протрезвел буквально перед кабинетом и надеюсь, когда буду штопать твой нос, рука не дрогнет.

Он говорит совершенно спокойно и внимательно меня

рассматривает слегка прищуренными глазами. Под его пристальным взглядом вдруг становится неловко, и я отвожу взгляд. О чем я только думала? Разве выпившего врача допустят к работе? Я начинаю себя успокаивать, но вспоминаю того доктора в приемной. Он ведь работает. И наверняка оказывает первую помощь пациентам. А от него пахнет.

Измайлов поднимается с кресла и идет к двери. Я хочу позвать его и извиниться, но прикусываю язык. С чего бы мне просить прощения? Мой вопрос – не более чем обычное беспокойство о своем здоровье.

Громкий стук захлопнувшейся двери заставляет меня вздрогнуть. Я остаюсь в кабинете одна. Интересно, операцию можно перенести на завтра или обязательно шить сегодня?

Я чувствую себя измотанной и уставшей. До встречи с Измайловым я гнала от себя мысли о том, что все случившееся как бы мягко намекает на то, что мне стоит поскорее уехать обратно. Встреча с Макаром заставила меня в этом убедиться. Таких совпадений просто не бывает: огромные долги, невозможность покинуть страну, подарок, который так и не доставили к оговоренному времени. Мне пришлось купить сыну совсем другую игрушку буквально за несколько часов до Нового года. И, словно вишенка на торте, мой рассеченный лоб и сломанный нос.

Измайлов возвращается минут через пять в компании низкорослой, немного полноватой девушки. Она несет большой снимок. Видимо, готово мое КТ.

– Кости черепа у тебя в порядке, – сообщает Макар. – Однако подождать все равно придется. Моему анестезиологу ехать с дачи. Это минимум час по нашим кучугурам. Болит сильно?

– Не болит.

– Макар Игнатьевич, может, под местной? – подает голос девушка в халате.

Я о ней и забыла совсем, засмотревшись на моего хирурга-пластика. Вот почему жизнь такая несправедливая штука? Почему именно я – брошенная жертва – сейчас должна выглядеть, как побитая собака? А он – бездушная скотина – так красив, что взгляд отвести невозможно.

– Исключено, – отменяет ее предложение Макар, вызывая у меня выдох облегчения.

Я безумно боюсь боли, и стоит мне только представить, что шить будут без нормального наркоза, как хочется сбежать, так и не получив помощь.

– Ирина Юрьевна приедет не скоро, – пытается уговорить его девушка.

Она хмурится, будто не понимает причин его отказа. Когда Макар переводит на нее взгляд, медсестричка краснеет и отворачивается, кивая. Перечить больше не решается.

– Я буду через пару минут, обработай пока раны, чтобы не было инфекции.

– Так обрабатывали уже.

– Еще раз, Марина! – приказывает.

Мы с ней остаемся наедине. Она подходит к столу, берет вату и бутылочку с антисептиком и останавливается в шаге от меня.

– Будет немного пощипывать.

– Хорошо.

Едва удерживаюсь от вскрика, когда моих ран касается ватный диск. Жжет сильно, хотя мне обещали немного. Впиваюсь руками в кушетку, на которой сижу. Чтобы немного себя отвлечь, решаю завязать разговор.

– Макар – он... хороший врач?

– Макар Игнатьевич? – словно поправляет меня девушка. – Лучший из всех. А что? Переживаете?

– Немного, – признаюсь. – Праздники, знаете. Не хотелось бы стать жертвой выпившего хирурга.

– Макар Игнатьевич не пьет, – сухо говорит она. – По крайней мере, я ни разу не видела его пьяным, а он у нас, поверьте, на такие праздники постоянно приезжает. Единственный из всех готов оказать помощь в любую минуту.

– Ну знаете... то, что он держится на ногах, еще не означает, что не пьет.

Образ Макара шестилетней давности никак не совпадает с тем описанием, которое ему дает Марина. Готовый оказать помощь в любую минуту? Измайлов, которого я знала, мог без запинки полезть в драку, чтобы отстоять себя. Откуда такая самоотверженность?

– Глупости не говорите, – обрубает Марина. – И Макара

Игнатъевича не вздумайте обижать расспросами. Он этого терпеть не может. Алкоголь во время работы у нас под строжайшим запретом. Если Макар Игнатъевич увидит – может дойти до увольнения.

Марина замолкает, выбрасывает ватку и закрывает бутылочку с антисептиком. Поворачивается ко мне и, понизив голос до шепота, говорит:

– Он сам, знаете, пострадал от рук некомпетентного и выпившего хирурга. Несколько лет назад...

Договорить ей не позволяет звук открываемой двери. Я вздрагиваю, Марина быстро шагает к столу и возвращает на место пузырек с раствором.

– Я закончила, Макар Игнатъевич.

– Хорошо, Мариш, можешь идти. Сообщи мне, когда Ирина придет.

Марина украдкой бросает на меня взгляд и выходит из кабинета, оставляя нас наедине.

Глава 3

Некоторое время тишину в кабинете нарушает лишь звук работающих настенных часов. Измайлов что-то пишет, затем снимает блокировку с телефона и печатает на экране. Я замечаю это, когда украдкой на него поглядываю. Он ловит мой взгляд неожиданно. Поднимает голову и замечает, что я на него пялюсь.

Нервно улыбаюсь и отворачиваюсь, делая вид, что мне безумно интересна входная дверь. Где эта Ирина? Или хотя бы Марина. Сидеть с ним наедине невыносимо.

– Не думал, что ты вернешься, – неожиданно произносит Макар.

– Я не возвращалась, – жму плечами. – Я приехала увидеться с братом и к подруге на свадьбу. Так получилось, что мне пришлось остаться.

– Расскажешь?

– Это долгая история.

– Мы не торопимся. Мой анестезиолог только выехала, операционную еще не подготовили. Я готов послушать.

– Перед отъездом я продала машину, а когда попыталась улететь, мне предъявили налог. Полтора года назад я спокойно улетала домой, мне не предъявляли налоги, а тут... ошибка, видимо. На время разбирательства пришлось остаться, а теперь так вообще... непонятно, когда уеду.

– А говорила, долгая история, – усмехается Макар. – За минуту справилась.

Я непроизвольно улыбаюсь, а затем морщусь от резкой простреливающей боли. Мой стон, сигнализирующий о боли, эхом раздается в кабинете. Я прикрываю глаза и откидываюсь спиной назад, чтобы упереться в стену и не свалиться с кушетки. Меня словно парализует. Я с трудом переношу боль, так как мой болевой порог слишком низкий. Даже в кресло стоматолога я сажусь, предварительно договорившись о седации.

– Оля, – звучит совсем рядом. – Слышишь меня?

Слышать-то слышу, а пошевелиться не могу. Острая боль в носу понемногу отступает, но тело будто сковало тисками.

– Дыши, Оля. Вдох... – Макар делает паузу. – Выдох...

Я пытаюсь сконцентрироваться на его словах, повторяю. Паническую атаку, мою редкую спутницу, удастся подавить, но меня все еще штормит. Я всхлипываю, стараясь не морщиться, чтобы не спровоцировать боль снова.

– Твою мать, ежик... ты так и не справилась?

Я замираю, забывая, как дышать. Паническая атака подавлена, боли больше нет, зато есть растерянность. Я непонимающе вглядываюсь в обеспокоенное лицо Макара и чувствую, как тело покрывается мурашками.

– Я пойду, – говорю охрипшим голосом. – Прогуляюсь.

Хочу слезть с кушетки, но Макар не позволяет. Удерживает меня руками за плечи и не дает пошевелиться.

– Тебе нельзя ходить, – говорит он серьезно. – Ты только что едва с кушетки не упала. Хочешь разбить еще и голову? Или сломать руку?

– Мне надо! – повторяю. – Отпусти!

Ждать, пока он соизволит разжать пальцы, у меня нет сил. Я дергаюсь, Макар наконец убирает руки и отступает.

– Куда ты пойдешь, Оля? Коридор забит поступившими, врачей не хватает, а на улицу тебе точно нельзя. А если снова приступ? Я не могу тебя отпустить!

Я мотаю головой. Беру с кушетки свой пуховик, неуклюже натягиваю его на плечи и делаю шаг к двери, но натыкаюсь лишь на широкую мужскую спину. Макар проворачивает ключ и вытаскивает его из замка.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь удержать пациентку под присмотром, – серьезно говорит он. – Обычно этим занимаются санитары. Приходят, колют успокоительное и наблюдают, пока пациент не придет в норму.

Я непонимающе хлопаю глазами. Санитары? Успокоительное?

– У нас частенько истерики устраивают, – поясняет Макар. – Хирургия штука сложная. Люди поступают с самыми разными проблемами. Первое их чувство – шок. Оно длится от десяти минут до часа. Второе – молчаливое смирение, а третье – истерика. Последняя подавляется седативными, но я бы не хотел, чтобы тебе что-то кололи, поэтому придется

потерпеть мое общество еще немного времени.

Удивительно, но его голос меня успокаивает, несмотря на то, что еще минуту назад мне хотелось уйти. Я вздыхаю и сажусь обратно на кушетку, стаскиваю пуховик и кладу его рядом.

– И почему же люди устраивают истерику?

– Не могут смириться с предстоящей операцией. Не верят в диагноз. Не хотят оперироваться, когда это необходимо.

– И что же, у вас тут мобильная бригада для таких случаев дежурит?

– Бывает, получается успокоить разговором, иногда сделать пациенту укол самому. В самых сложных случаях на помощь приходят наши парни.

– А меня ты, значит, им не отдал? – уточняю.

– С тобой я накосячил, – признается. – Простишь меня? Я не специально – вырвалось.

Я обнимаю себя руками. Как-никак между нами есть прошлое, которое просто так не забудешь. Его резкое «ежик» выбило меня из колеи, но сейчас я спокойно сижу и слушаю его уверенный голос. Шесть лет прошло, а он, оказывается, помнит, как меня называл. И я помню, хотя убеждала себя, что забыла. Переболела и выбросила из головы. Оказывается, не выбросила. И сердце в его присутствии бьется сильнее, хотя мы не виделись не один год.

– Все нормально, – пытаюсь убедить больше себя, чем его.

От дальнейшего разговора нас отвлекает стук в дверь. Я

вздрагиваю, Измайлов идет открывать.

– Макар Игнатьевич, – в палату влетает Марина. – Там Ирина ваша звонила, говорит, вы не отвечаете. У нее приехать не получится. Машина заглохла, и она пешком домой возвращается.

– Кто еще есть?

– Демид Борисович только. Он единственный из всех ответил и вроде не пил.

– Вроде? Узнавай точно. Если пил – может не ехать. И остальным звони. У нас тут, мать его, срочная операция!

– Но... – Мариша замирает под жестким взглядом Макара и спорить не решается.

– Может... попробуем без наркоза? – подаю голос. – Если такая ситуация, то...

– Макар Игнатьевич, давайте, пациентка сама просит. Я ассистирую.

– Иди пока, Мариш. Обзвони всех еще раз. Я позову.

Марина закрывает дверь, но через секунду открывает дверь снова.

– Забыла, – говорит она. – Там это... парень пришел, – обращается уже ко мне. – Говорит, он ваш муж.

– Ты замужем? – удивляется Макар.

Я и сама в шоке. Утром, насколько я помню, была незамужней. Не могла же я забыть, что несвободна.

Глава 4

– Проходите, – говорит Марина моему «мужу» за дверь.

Через минуту в кабинет заходит Герман. Конечно, он мне не муж и даже не любовник. Подруга нас познакомила на свадьбе. Подмигнула мне, зараза, и оставила с ним наедине. Еще и прошептала на ухо что-то похожее на «развлекайся, он очень классный».

– Оля, – он безошибочно замечает меня на кушетке. – Мне Богдан позвонил, я сразу же приехал.

– Оставим вас, – говорит Макар, выталкивая из кабинета Марину.

Мы с Германом остаемся наедине. Я совершенно не знаю, как себя с ним вести. Все возможные способы отшить парня на нем я уже испробовала, но он все не отстает. Пытается обо мне заботиться, помогает, зовет в кафе и даже цветы дарит. Иногда сам, иногда заказывает курьерскую доставку.

– Что врачи говорят? – тут же наседают он, осматривая мое опухшее лицо.

– Перелом. Ждем анестезиолога, чтобы зашить рассеченную кожу.

– Может, что-то нужно? Деньги, лекарства, ускорить приезд этого анестезиолога?

Я не успеваю рот раскрыть, как Герман добавляет:

– Поговорю с врачом.

Остановить его я, конечно же, тоже не успеваю. Пока он говорит в коридоре с Макаром, я напоминаю себе обсудить ситуацию с Лерой и Богданом. Я не просила такой назойливой заботы о своей личной жизни. Звонить Герману и сообщать о моей беде не было никакой необходимости.

Обо мне есть кому позаботиться, к тому же я не хочу зря его обнадеживать. Он и так уже мысленно на мне женился, а я ни разу не ответила на его ухаживания, если не считать того поцелуя в его машине после свадьбы. Я была пьяненькая, а он – настойчив. Знала бы, что после этого он не отстанет, держала бы язык за зубами. Герман неплохой парень, но проблема именно в последнем. Он – парень, а я женщина. Он на четыре года меня младше, но дело даже не в этом.

Я не консервативна, допускаю возможность отношений с мужчиной младше. Все дело в том, что у Германа куда больше общих интересов с моим пятилетним сыном, чем со мной. Гера образован, умен, работает в продвинутой компании и зарабатывает немало. Но рядом с ним я чувствую себя старушкой. ИТ-сфера, конечно, накладывает отпечаток, но я почему-то уверена, что все дело во мне. Я не делаю ни единого шага навстречу, не считая злосчастного поцелуя в машине. Теперь только виню себя за несдержанность.

– Оля! – Герман вихрем врывается в кабинет. – Я обо всем договорился. Скоро тебя прооперируют.

Следом с серьезным выражением лица заходит Макар.

– Сожалею, но разрешить вам здесь находиться я не мо-

гу, – говорит Измайлов. – Прошу покинуть помещение.

– Я приду после операции, – сообщает Герман. – Буду ждать вестей в коридоре.

Как только за ним закрывается дверь, Измайлов подходит ко мне, достает из кармана сложенные вдвое купюры и протягивает их мне.

– Что это? – непонимающе смотрю на деньги в его руке.

– Деньги. Мальчик твой дал. Чтобы я повлиял на скорый приезд анестезиолога.

– Ты взял деньги?

Измайлов тяжело вздыхает, мотает головой.

– Иногда проще взять деньги, чем что-то объяснить. Отдашь ему после операции, пусть пока думает, что у него все под контролем.

Измайлов кладет деньги на кушетку, не дождавшись, пока я их возьму. Мне почему-то становится стыдно за действия Германа, хотя я понимаю, что он среди родственников пациентов такой не один. Увы, но наш менталитет неискореним. Мы всегда считали и будем считать еще долго, что деньги в этом мире открывают все двери.

– Он не мой муж, – зачем-то сообщаю Измайлову.

– Думаешь, я не понял? Ты, конечно, самостоятельная, и теперь тебе никто не диктует, с кем встречаться, но это, – он кивает на дверь, – перебор.

– Что значит перебор?! – восклицаю.

Герман и правда не подходит мне в мужья, но то, что Ма-

кар позволяет себе об этом сказать, тоже никуда не годится.

– Ты его переросла, – уже спокойнее произносит Измайлов. – Но мальчик думает иначе.

– Прекрати, – требую. – Иначе я подумаю, что ты ревнуешь.

– Это простое беспокойство, – равнодушно замечает Макар. – Прости, если перегнул.

От дальнейшего разговора нас отвлекает Марина. Она заходит в кабинет, толкая впереди тележку.

– Привезла все, как вы и просили, – сообщает с улыбкой.

– Вези в перевязочную, – Макар кивает на дверь слева, а затем внимательно смотрит на меня. – Вызвать анестезиолога не получится. Придется шить так.

Я сглатываю, сжимаю руки в замок и начинаю бегло осматривать глазами кабинет. Я плохо переношу уколы, не говоря уже о том, чтобы шить раны в сознании.

– Нет какой-нибудь седации? – спрашиваю с надеждой. – Я не выдержу... вот так...

– Придется, – Измайлов подходит ближе. – Постарайся об этом не думать. Ты практически ничего не почувствуешь, я взял лучшие обезболивающие, но если начнешь нервничать, ничего не получится. Просто успокойся, хорошо? Тебе не будет больно, я сделаю все аккуратно.

– Ты уверен, что сможешь наложить аккуратные швы в... таких условиях?

– У меня нет цели тебя изуродовать. И общий наркоз тебе

делать показаний нет. Послушай, Оля... по-хорошему, мне нельзя тебя зашивать. Стоит подождать другого врача и порекомендовать тебя ему, но это будет не скоро, и лучше меня этого никто не сделает.

– Зачем другого врача? – непонимающе спрашиваю.

– Затем, что у меня с самого начала не получилось быть беспристрастным. У тебя нет показаний для общего наркоза и не было. Будь на твоём месте любой другой пациент, я бы ещё полчаса назад тебя зашил и уехал праздновать Новый год, невзирая на мольбы сделать все под наркозом. Но я звонил и отвлек свою коллегу, чтобы...

Измайлов замолкает и шумно выдыхает.

– Я не понимаю, – шепчу, хотя пазлы в голове начинают складываться.

– Что ты не понимаешь, Оля? Любой другой врач даже слушать тебя не стал, да и я не стал, будь на твоём месте незнакомая мне пациентка. Но передо мной ты, а я всё прекрасно помню. И знаю, что низкий болевой порог не проходит с возрастом. Как ты вообще перелом вытерпела?

Глава 5

– Как себя чувствуешь? – голос Макара звучит совсем рядом.

– Нормально.

Глаза открыть я не решаюсь, поэтому сосредотачиваюсь на ощущениях. Вздрагиваю от брызгов чего-то холодного на мой лоб и жду, что начнет жечь, но ничего подобного не происходит.

– Это обезболивающее, – поясняет Измайлов. – Так ты даже укола с анестезией не почувствуешь.

– Что, совсем?

– Почти.

Боли я совсем не чувствую. Когда через полчаса мне сообщают, что все закончилось, я удивленно распахиваю веки и встречаюсь взглядом с Макаром. Он смотрит на меня сверху вниз. Нижняя часть лица скрыта маской, но даже так я понимаю, что он улыбается.

– Полежи еще пару минут и можешь вставать. Мариша проводит тебя к мужу, – Измайлов подмигивает, а через мгновение встает со своего места и выходит из кабинета.

– Можете вставать, – сухо командует Марина. – Аккуратно, может закружиться голова.

Было бы неплохо помочь мне встать, но она этого, разумеется, не делает. Я сажусь на кушетке, Марина удовлетво-

ренно кивает и указывает на дверь.

– Нам пора. Пациентов слишком много, а рук не хватает. Я выведу вас в коридор и побегу помогать остальным.

– Хорошо.

В коридор выходим вместе. Марина усаживает меня на стул у кабинета и тут же уходит, а я растерянно выглядываю Германа. Он сказал, что здесь ждать будет, но его нет. Испугался моего распухшего носа и сбежал?

Собираюсь позвонить Стасу, чтобы забрал меня из больницы, но не успеваю. Макар останавливается рядом со мной, смотрит внимательно:

– Идем, отвезу тебя домой. Мальчик твой уехал. Сказал, что ему срочно нужно, и попросил тебе передать, что сожалеет.

– Я брату позвоню, он меня заберет.

– Брось, Оля. Я домой, мне не сложно тебя подбросить.

Пока я думаю, неподалеку несколько выпивших мужчин начинают петь и поздравлять друг друга с новым годом.

– Оставаться здесь небезопасно, доктора нарасхват, медсестры тоже. За тобой просто некому будет присмотреть, пока брат едет. Идем.

Так и не получив от меня ответа, Измайлов разворачивается и идет к выходу, а группа мужчин запекает снова. Я поднимаюсь на ноги и быстро иду за Макаром. Я бы ни за что не согласилась, но лучше с ним в машине, чем остаться наедине с толпой мужиков навеселе.

О куртке я вспоминаю, лишь когда выхожу на улицу и попадаю под крупный снегопад. От неожиданности хватаю холодного воздуха и широко распахиваю глаза.

– Совсем сдурела идти раздетой? – слышу совсем рядом.

Макар забирает из моих рук куртку и быстро помогает мне одеться. Почти как шесть лет назад, он собирает полы куртки впереди меня, тянется к капюшону и прячет копну моих кудрявых волос. На мгновение мне кажется, что он присядет и вставит змейку в замочек, а затем потянет его вверх. Когда мы были вместе, я ни разу не застегивала верхнюю одежду сама. В этот раз Измайлов, естественно, этого не делает. Запахивает полы куртки и убирает руки, командуя:

– Пошли!

Его машина припаркована в нескольких метрах от клиники. Макар достает брелок, снимает блокировку и открывает для меня дверцу переднего сиденья. Я забираюсь в салон, а через минуту хлопает соседняя дверь. Измайлов сразу же включает обогреватель, заводит двигатель, и мы вырливаем с парковки.

Через пару минут мне становится жарко, и я стаскиваю капюшон куртки с головы.

– Даже не спросишь адрес?

– Подозреваю, ты остановилась у родителей.

– У брата, – поправляю Измайлова. – Но адрес тот же.

– Стас живет с родителями?

Я украдкой смотрю на Измайлова. Он не знает, что мама

с папой погибли? Где он был все это время? Или настолько увяз в работе, что даже новости не смотрел?

– Их больше нет, – говорю тихо, стараясь не вспоминать, через что тогда всем пришлось прийти.

Повисает пауза, после которой Измайлов чертыхается и говорит:

– Прости. Не знал.

– Мои родители разбились в автокатастрофе чуть больше года назад. Удивлена, что ты не знаешь.

– Я вернулся полгода назад. До этого учился и практиковался за границей.

– А мама? – спрашиваю. – С ней все в порядке?

Мы не были близки с его матерью по причине того, что она любила приложиться к алкоголю. В то время, когда мы с Макаром встречались, самым неприятным моментом была именно его мать. Я не любила к нему приходить, не могла ее видеть и не переносила запаха перегара, который неизменно витал у них в квартире. Я любила Макара, но ненавидела его мать.

– Она замуж вышла, если можно так сказать, – Макар криво усмехается.

– Она больше не пьет? – вылетает из меня.

Я тут же жалею о брошенных словах. Спросила, не подумав, а теперь мне жутко неловко.

– Два года в завязке. Как только деньги появились, определил ее в клинику. Особо не надеялся, что получится, она

пила больше десяти лет, но она встретила там своего нынешнего мужа. Не пьют вместе. Держатся.

– Рада за нее.

Я правда рада. Знаю, как Макар переживал за мать, хотя ни разу мне не говорил. Я просто видела, как он о ней заботится, как помогает дойти до кровати и снимает грязную обувь, как убирает со стола бутылки с остатками алкоголя. Я бы так не смогла.

Воспитание, конечно, сказывалось. Я росла в любви и уюте, одевалась в брендовую одежду и спала на шелковых простынях. Макар долгое время не приводил меня домой. Я просилась, требовала, устраивала скандалы и обижалась, но он упорно отказывал. Я пришла к нему тайком. Узнала у друзей адрес и приехала с тортом и пачкой сока. Хотела познакомиться с его мамой, а столкнулась лицом к лицу с реальностью. Серой, мрачной и убогой.

Я знала, что Макар из бедной семьи, знала, что ему приходится зарабатывать самому, потому что зарплаты матери на все не хватает. Все это меня не волновало, потому что я его любила. Смириться с алкоголизмом его матери было сложнее. Я столько всего ему наговорила, что даже спустя годы стыдно. Он ведь ни в чем не виноват, а я не смогла сдержаться. Он тогда пихнул мне торт в руки и попросил больше никогда не приходить, а я все равно пришла. Через неделю, когда поняла, что дышать без него невыносимо.

Глава 6

Поездка закончилась так резко, что я не успела подготовиться. Секунду назад мы ехали по трассе, а уже сейчас Макару глушит двигатель и паркует автомобиль у больших кованых ворот. Наша совместная поездка закончилась, мне нужно взять себя в руки, оторваться от болезненных воспоминаний и поблагодарить его за то, что не оставил в больнице ждать брата.

– Спасибо, – поворачиваюсь к Макару и натываюсь на его внимательный взгляд.

Меня начинает бить озноб. Кожа покрывается мурашками, а в груди невыносимо ноет. Это все из-за воспоминаний прошлого. Я позволила себе вспомнить, и теперь близость Макара действует на меня нелогично.

– Не хочешь встретиться? – вдруг спрашивает он. – На днях поужинать, например.

– Где?

Совсем не это я должна спрашивать. Точнее, я вообще ни о чем не должна спрашивать. Мне нужно сказать «нет». Категоричное, решительное «нет», которое пресечет любые попытки меня уговорить.

– Выбери любой ресторан, – предлагает Макару. – Я не сильно разбираюсь, после работы ходить особо некуда, да и не с кем. С мужиками мы по ресторанам не ходим.

– Думаешь, это хорошая идея?

– Почему нет? – Макар пожимает плечами. – Мы столько лет не виделись, тебе совсем неинтересно пообщаться?

Интересно, конечно, но ему об этом знать необязательно. Я не собираюсь ему признаваться в своей заинтересованности. Я вспомнила лишь часть нашего прошлого. Ту, которая хоть и уродливая, но счастливая. Мать Макара никак не повлияла на наши отношения. Я любила его так же сильно, несмотря на ужасный образ жизни матери. По родителям не судят, ведь так? Я тоже не судила. Старалась.

Воспоминания о ней лишь часть нашего прошлого. Есть много чего другого, например, наш последний разговор. Он все испортил. Макар сам от меня отказался. Сказал, что я ему не нужна, что он еще не нагулялся, и что наши отношения все равно когда-то закончатся.

– Я не хочу, Макар, – говорю, мотая головой и дергая ручку двери.

К моему удивлению, она не поддается. Он заблокировал машину?

– Открой, – тихо прошу его.

– Я лишь хочу с тобой увидеться.

– Я не хочу.

– Ложь!

Я лихорадочно тыкаю в кнопки на приборной панели, но добиваюсь лишь того, что гаснут фары и свет в машине. Макар перехватывает мои руки и пресекает попытки снять бло-

кировку с дверей. Кожа в том месте, где он меня касается, начинает гореть. Я пытаюсь освободиться, но у меня не получается, и я понижаю. Расслабляюсь, после чего Макар меня отпускает.

– Успокоилась? – уточняет. – Шесть лет прошло, а ты все так же живешь эмоциями. Я думал, ты созрела для серьезного разговора.

– Я созрела?! – спрашиваю с возмущением. – Я?!

Обвинения едва не срываются в его адрес, но я вовремя прикусываю язык. Мои раны все еще не затянулись. Мне больно от воспоминаний, которые я мастерски от себя скрывала последние пять лет. Первый год я вспоминала его слова дословно и каждый раз напоминала себе, что никогда... никогда и ни за что не прощу. А потом у меня появился Тимофей, и меня отпустило. Я не переболела, но реветь по ночам в подушку перестала.

– Я не хочу разговаривать, – сообщаю ему через минуту.

Прихожу в себя я довольно быстро. Возмущение все еще клокочет в груди, но я никак не показываю этого внешне. Первый шок от происшествия и встречи с Измайловым проходит, я начинаю мыслить здраво, вспоминать, каково мне было первое время без него.

Я больше не хочу в это болото снова.

– Спасибо большое за швы. И за то, что подвез, но я считаю, наше общение стоит закончить.

– Не хочешь узнать, почему мы расстались?

– А что, есть причина?

– У тебя кто-то есть?

– Это важно?

– Черт, Оля, просто ответь: да или нет?

– Да, – отвечаю со злостью. – Доволен? Теперь мы можем просто попрощаться?

Мы буравим друг друга взглядами, хотя в темноте ничего не видно. Я просто чувствую, что он смотрит, и хочу, чтобы разблокировал двери и выпустил меня. Находиться с ним наедине становится вдруг невыносимо. Я никогда даже не предполагала, что когда-то мы встретимся. О том, чтобы сидеть в одной машине, дышать одним воздухом и вдыхать его запах, не было и речи.

И вот мы наедине. Он тяжело дышит, я хочу высказать ему все, но молчу, потому что ни к чему вскрывать старые раны. Они уже зажили. По крайней мере, я хочу верить в то, что сдавливающая боль в груди – не больше чем фантомная. Такая, знаете, сильная, но вместе с тем словно ненастоящая, самопроходящая со временем.

Я выйду из его машины, доберусь до дома и нырну в праздничную семейную атмосферу. Меня встретят любящие люди, запах мандаринов и настоящей сосны, потому что ель брат не любит с детства. Накрытый стол, плач детей и родные объятия сына отвлекут меня от боли в груди. Чувств нет, значит, и боли быть не должно. Она пройдет, нужно только покинуть машину.

Я слышу щелчок замка, благодарно киваю Макару, хоть он и не может меня видеть, и тянусь к ручке дверцы. В лицо тут же врезается морозный воздух, а пальцы начинает покалывать от влаги тающих снежинок. Ноги утопают в холодных сугробах, но я решительно делаю шаги к своему спасению. Пульс разгоняется до критических отметок, в голове шумит, а в глазах застывают слезы, которые через мгновение падают вниз влажными дорожками.

Глава 7

Оказавшись в доме, я позволяю себе прислониться к входной двери и сделать несколько глубоких вдохов. С ужасом осознаю, что обоняние не восстановилось. Я не чувствую прежних запахов. Даже бенгальскими огнями не пахнет, а ведь когда я выходила, чтобы посмотреть на салюты, здесь пахло ими, а еще мандаринами, сосной, конфетами и даже «оливье».

Из глубины дома слышна музыка, разговоры и смех. Стас с Настей собрали у себя всех: Леру с Богданом, родителей Насти и даже ее бывшего с женой. У них какие-то особенные отношения, понятия не имею, как брат на это согласился, но он неплохо ладит с Максом, а Настя с теплом относится к Ирине. В гости был приглашен еще и Герман, но он присутствовать не смог, так как праздновал со своими родственниками.

Я успеваю снять куртку и сапоги, когда меня пугает Настя:
– Оля? – она смотрит на меня обескураженно. – Ты как здесь оказалась? Стас тебе звонил, но ты не отвечала. Мы решили, что тебя оставили в больнице, да и Герман сказал, что...

– Все в порядке, – успокаиваю Настю. – Меня подвезли. Все еще в сборе?

– Ирка с Максом собираются уже, потому что Давид ка-

призначает.

Я понимающе киваю. Это сейчас Тимофей совсем не доставляет мне хлопот, но так ведь было не всегда. Я помню и бессонные ночи, и истерики, и колики в животе, и даже ни с того ни с сего поднявшуюся температуру.

– Идем скорее, нам скоро станет скучно. Лера с Богданом тоже подумывают уезжать. Ты должна их уговорить.

– О да, они мне должны, – киваю. – Герману позвонили... пусть теперь сидят, мучаются.

– Как вообще прошло все? Макар приезжал?

– Зашил вот.

– Классно все сделал?

– Откуда ж я знаю, они пластыри наклепили. Как я вообще сейчас выгляжу?

– Не лучшим образом, – не скрывает Настя. – Ты что, в зеркало не смотрелась?

Она тянет меня к зеркалу у противоположной стены и поворачивает к нему лицом. Я тут же хочу зажмуриться, жаль, что мой образ уже отпечатался в памяти. Темные кровоподтеки под глазами, распухший нос, который, впрочем, скрывает белый пластырь. На лбу точно такой же.

Макар в таком виде собирался вести меня в ресторан? Или забыл, как я выгляжу? А может, предложил специально, зная, что я откажусь? Господи, да я о внешности тогда и не подумала даже! А зря... выгляжу ужасающе.

К гостям идти резко перехотелось. Даже в глазах потемне-

ло. Тимофей увидит, испугается. А мне ведь вот такой красивой быть минимум две недели. А зная, как быстро на мне заживают синяки, то и весь месяц.

– Идем? – спрашивает Настя, касаясь моего плеча.

– Нет уж, я к себе пойду. Не хочу портить всем праздник.

– Брось, – отмахивается она. – Тебя все видели сразу после случившегося. Там все переживают, и никого ты не напугаешь.

– Детей напугаю.

– Они спят давно, – парирует она и тянет меня в гостиную, где стоит сосна и накрыт праздничный стол. – Идем-идем.

Я быстро шагаю следом. По пути думаю, что идея все же ужасная. С Ирой и Максимом мы вообще познакомились сегодня, да и с родителями Насти видимся второй раз. Куда мне в таком виде?

Затормозить я не успеваю, потому что Стася открывает дверь и торжественно пихает меня вперед. Разговор за столом тут же замолкает. Я чувствую на себя взгляды абсолютно всех присутствующих, но долго они не длятся. Первыми оживают Стас и Лера. Они несутся ко мне с соболезнованиями, обнимают.

Брат украдкой достает телефон и тычет камерой мне прямо в лицо.

– Что ты делаешь, Стасик? – возмущается Настина мама.

– В следующий раз, когда сестра решит заняться самодеятельностью – обязательно посмотрю на это фото и откажу ей.

Я закатываю глаза, присутствующие смеются. Никто не смотрит на меня с отвращением, а вот сочувствия во взглядах я вижу много. Это немного расслабляет. Я понимаю, что зря волновалась, и присаживаюсь за стол. Есть не хочется, пить я не решаюсь. Про антибиотики мне Макар ничего не сказал, но это ведь не означает, что они не понадобятся. Мне завтра к другому врачу идти, он назначит другое лечение.

Максим с Ирой уезжают очень быстро, да и родители Настя уходят на второй этаж, чтобы лечь спать. Тимофея Настя уложила незадолго до того, как я пришла. Уговорила его лечь с Даней и сказала, что мама в безопасности и останется под присмотром врачей. Я безумно ей благодарна, надеюсь, что к утру буду выглядеть не так ужасно, и сын меня не испугается.

– Может, у нас останетесь? – предлагает Настя Лере. – Ромка ваш все равно с пацанами спит, а вы с дитём в спальне ляжете соседней.

– Да, можно, – кивает Лера. – Я тогда пойду уже. Устала.

– И я пойду, – встаю вместе с ней. – Есть не хочется, и голова болит.

Стас вызывается меня проводить, но я отказываюсь. Не хочу ни о чем говорить, а подозреваю, что придется. На втором этаже мы с Лерой расходимся по разным спальням. В своей я сразу же забираюсь на кровать и смотрю в потолок. Прокручиваю в голове сегодняшней день и тру рукой чуть выше солнечного сплетения. Все еще болит. За столом при-

тупилось, а сейчас ноет с новой силой.

Обещаю себе забыть. Нам не о чем разговаривать. И встречаться тоже не стоит. Если он узнает о Тимофее... я никогда не уеду обратно, а возвращаться сюда, где все напоминает о нем, я не смогу. И мирно сосуществовать, вместе воспитывать сына у нас тоже не получится. У меня – так точно.

Глава 8

– Мам, это что? – Тимофей аккуратно дотрагивается до моего носа.

– Пластырь.

– Под ним ранка, да?

– Да. Вчера маме убили бактерий, а сверху наклеили пластырь, чтобы они не появились снова.

Вопреки моим ожиданиям, сын меня не испугался, хотя выглядеть лучше утром я не стала. Наоборот, синяки стали ярче, а отек больше. И в таком виде мне сегодня ехать в больницу.

– Настя сказала, что тебя оставят в больнице, – с укором говорит сын. – Пришлось лечь без тебя.

– Меня отпустили, но было слишком поздно, и я не стала тебя будить.

– А что мы будем сегодня делать? – с интересом спрашивает, переключаясь.

– А чего бы тебе хотелось?

– Поиграть в снежки и погулять. Санта мне снежколеп принес, нужно его испробовать.

– Я попрошу дядю Стаса с тобой поиграть. Он Даню возьмет, пойдете вместе. Я не смогу, солнце, мне к врачу надо, и с таким носом в снежки играть мне нельзя.

– Почему?

– Ты же не хочешь, чтобы он стал больше?

– Не-е-е-ет, – тянет сын. – Поиграю со Стасом. А с тобой в кафе пойдем, да?

– Так, кто это у нас тут в кафе просится, а? – в комнату заходит Настя. – Мы для кого еды столько готовили?! Ну-ка быстро вниз на завтрак. Там дядя Стас всем выжимает апельсиновый фреш.

Тимофея сдуло через минуту. Фреш из апельсинов он просто обожает, поэтому несется вниз, стоит ему услышать, что его готовят. Я с благодарностью смотрю на Стасю. Объяснить сыну, почему мы пока не можем никуда выйти, мне сложно. Я не привыкла ему отказывать, а когда мы ехали сюда, обещала ему проводить с ним больше времени.

– Стас позавтракает и отвезет тебя в больницу. Мы с Лерой уже договорились присматривать за Тимошей вместе.

– Спасибо вам. Я не знаю, как бы развлекала его сама. Куда мне с таким лицом на прогулки и в кафе?

– Стас уже распланировал две недели отпуска, включив в развлечения и Тимофея, так что не переживай, ему скучно не будет, а ты сможешь и поработать, и отдохнуть.

Издательство требует от меня завершения книги к концу февраля, а у меня готово только семьдесят процентов. И работаю я над книгой уже более полугода. Я надеялась вдохновиться Рождеством, аурой праздника и дописать, наконец, роман, но с утра чувствую абсолютную апатию и нежелание даже открывать ноутбук. Надеюсь, к вечеру это изменится.

Через час я выхожу из кабинета лора с небольшим листочком, на котором выписан рецепт на обезболивающие. Никаких особенных процедур мне не полагается. Прикладывать холодное и принимать обезболивающие – вот и все лечение. А еще показаться через неделю.

Брат ждет меня в холле. Поехал со мной и даже в больницу зашел, чтобы дождаться и проводить потом до машины.

– Что сказал?

– Заживет, – усмехаюсь. – Только пластыри нужно менять и через неделю показаться. И швы снять примерно в то же время.

– Приедем. Ты же у нас будешь пока? На квартиру не поедешь?

Остаться у брата я не планировала, но выхода у меня нет. В ближайшее время я не смогу обеспечить Тимофею регулярные прогулки и развлечения, а Стас живет в большом доме, и сын сможет погулять во дворе.

– Останусь. Настя сказала, ты распланировал развлечения.

Нам остается несколько шагов до выхода, как из кабинета неожиданно выходит Макар, и мы сталкиваемся с ним нос к носу.

– Оля? Была у врача? Как самочувствие?

Обескураженная его резким появлением, не сразу нахожусь с ответом, а через мгновение, когда я только сложила слова в предложение, брат отодвигает меня в сторону и тол-

кает Макара в грудь.

– Чтобы я тебя рядом с ней больше не видел, – слышу разъяренный голос Стаса.

– Стас, – я дергаю брата за рукав, пытаюсь успокоить.

На нас уже странно посматривают, а внимания, как вы понимаете, мне совсем не хочется. Спрятаться бы... или сделать вид, что меня здесь нет.

– Стас, – хватаю его за руку, оттаскивая от Макара.

Через какие-то мгновения меня оттесняют в сторону, а Стаса скручивают и грубо ведут к выходу. Чувствую, в ближайшее время доступ в эту клинику ему будет заказан.

– Парни, – останавливает охрану Макар. – Порядок. Отпустите его.

Стаса отпускают у самого выхода. Один охранник уходит, а второй остается на месте. Наблюдает. Я тут же семеню к брату. Что он устроил? И к чему это?

– Я тебе все сказал, – бросает Стас, глядя куда-то поверх моей головы.

Догадываться, куда именно, не приходится, потому что в это мгновение я слышу сзади:

– Выйдем, поговорим.

Стас толкает входную дверь, выходит первым, я иду следом, а позади Макар. Это плохая идея, звучит сигнал в голове. Не стоит им разговаривать. А мне – присутствовать при этом разговоре.

Я вдруг осознаю, что отчаянно хочу домой. Туда, где все

спокойно, туда, где наверняка украшены витрины моих любимых магазинов, туда, где все было иначе...

– Классная благодарность за наложенные швы, – шутливо говорит Макар. – Обычно именно такую я и получаю, да.

Его взгляд, направленный на Стаса, серьезный, без улыбки, я бы даже сказала, хмурый.

– Это ему Настя звонила? – ошарашенно спрашивает брат.

– Мне, – отвечает Макар вместо меня. – А еще я должен ей швы осмотреть перед снятием. Или тоже нельзя?

– Другой хирург осмотрит, – заявляет Стас. – Ты к ней не подойдешь.

– Я здесь, вообще-то, – говорю, выступая вперед и оказываясь между ними. – Может, за себя я буду решать сама?

Глава 9

– Иди в машину, – говорит Стас, буравя взглядом Макара. – Дорешалась уже.

– Что? – произношу ошарашенно.

Брат никогда не разговаривал со мной в таком тоне. Мы с ним провели бок о бок кучу времени, но вот такой безапелляционный и грозный приказ в мою сторону летит впервые. Естественно, никуда уходить я не планирую.

– До сих пор решаешь за нее все? – отбивает Макар. – У тебя семья уже, дети, а ты все в жизнь сестры лезешь?

– Закрой рот, – Стас делает шаг в сторону Макара, но я тут же влезаю между ними и упираюсь в грудь брата, отстраняя его.

– Да прекратите же! – возмущаюсь. – Ведете себя, как два одноклеточных. Вы взрослые люди, в конце концов. Пошли давай, – толкаю брата в плечо к ступенькам. – Поехали, сказала, у меня голова кружится.

На мои последние слова реагируют оба. Брат меняется в лице и теряет всякий интерес к Макару, а Измайлов тут же подходит ближе и разворачивает меня к себе.

– Тебя нужно осмотреть, идем.

Я вырываю руку из его захвата.

– Со мной все нормально, я просто хочу уехать домой.

Измайлов тут же убирает руки с моих плеч и отходит.

Видно, что хочет сказать что-то еще, но молчит. Провожает нас со Стасом взглядом. Я затылком чувствую его взгляд, но приказываю себе не оборачиваться. Иду, гордо вскинув голову, прямо к машине.

Стас приобнимает меня за талию, видимо, волнуется, что я могу упасть в обморок. Даже дверцу машины мне приоткрывает. Я же на мгновение бросаю взгляд поверх автомобиля и замечаю Измайлова. Смотрит, как я и думала. Немного хмуро и сильно задумчиво. Вдруг хочется подойти к нему и расспросить обо всем, но заглушаю в себе это желание.

Сажусь в машину, Стас захлопывает за мной дверцу и садится рядом. Молча, но слегка агрессивно заводит двигатель и выезжает с парковки. Молчит. Объясняться не спешит, но я просто так это не оставлю.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

– Ты о чем?

Брата я знаю столько, сколько живу на этом свете. Сейчас он заметно нервничает, но пытается сделать вид, что ничего не происходит. Значит, ему точно есть что сказать.

– Дуру из меня делать не нужно, – говорю ему. – Что это было? Откуда вдруг столько ненависти? Вы неплохо ладили в прошлом, или я чего-то не знаю?

Брат молчит, а я больше не допытываюсь. Все равно или не скажет, или придумает что-то. Когда мы почти доехали до дома, Стас останавливается за несколько сотен метров и поворачивается ко мне.

– Вам не стоит видаться, Оль. С Макаром этим... ничего хорошего тебя не ждет.

– Ты расскажешь, что между вами случилось?

– Ты случилась, – брат пожимает плечами. – Мы ладили, но после того, как он тебя бросил, как прикажешь к нему относиться?

Звучит, конечно, правдоподобно, но я отчего-то сомневаюсь. Особенно после вчерашних слов Макара про «причины» расставания и сегодняшних про «все за нее решаешь».

– Макара сказал «до сих пор все за нее решаешь», о чем это?

– Откуда я знаю?

Брат пожимает плечами. Спокойно так, равнодушно. Врет. Решаю не говорить Стасу ничего о том, что Макара просил встретиться. Отойду от перелома, окрепну и попрошу у Измайлова о встрече.

– То есть твое отношение обусловлено лишь тем, что он меня бросил?

– Да, Оль, не придумывай. Отец такого рассказал, что...

– Отец? – переспрашиваю.

Шесть лет назад, когда мы расстались, папа сказал, что не станет искать Измайлова. Когда я ревела, он безапелляционно заявил, что это даже к лучшему.

«– Ушел твой нищеврод-алкоголик, и до свидания!»

– Он не алкоголик! – возразила я.

– Видел я, – отец скривился. – Не проси даже искать – не

стану! Ушел, пусть катится!»

Я потом еще несколько лет винила отца в равнодушии. Мы так и не помирились, а потом они разбились. До сих пор виню себя за то, что так и не нашла сил простить его.

– Ну да, – уже не так уверенно говорит Стас. – Он же нашел твоего Измайлова, когда узнал о твоей беременности.

– Нашел? – ахаю я. – Он что... сказал ему?

– Нет, – успокаивает Стас. – Ничего он ему не сказал. Макар на тот момент пил сильно... отец его в запое жутком нашел. И с девками двумя... о чем с таким разговаривать?

Стас говорит убедительно, но я отчего-то не верю. В девок поверить могла бы, Измайлов всегда пользовался популярностью у противоположного пола, но в запой... нет, Макар бы не стал. Он испытывал ненависть к алкоголю. Насмотрелся на мать. Да и сейчас вижу, что он совсем не пьет. Даже в праздник – трезвый.

– Не стоит вам видится, Оль. Или ты планировала о сыне ему сказать?

– Нет, – мотаю головой. – Конечно, нет, ты прав.

О сыне Макару я действительно не собиралась говорить, но теперь хочу ответить на его предложение встретиться.

Глава 10

– Вернулись! Тимоша, мама приехала! – кричит Настя, заметив нас со Стасом, идущих к дому.

Я вздыхаю. Как бы и ей не перепало за то, что она нашла для меня именно Измайлова.

– Вы все уже? – тут же спрашивает она у мужа. – Дети хотят играть в снежки и лепить снежную бабу. Ты им обещал.

– Иди наверх, – хмуро произносит он. – Разговор есть.

– Стас...

Я хватаю брата за рукав. Вот зачем этот разговор? Настя ни в чем не виновата, она в нашей семье недавно, всю подноготную не знает. Да что там! Она даже с родителями нашими так и не познакомилась. Зачем ее отчитывать?

– Я разберусь, – бросает мне и идет за женой наверх.

Меня отвлекает Тимофей. Он с разбегу врывается в меня и обхватывает руками.

– Что сказал врач? – спрашивает, задрав голову вверх.

– Придется недельку походить так... синяки скоро пройдут, пластыри буду носить еще долго.

– И мы не пойдём в кафе?

– Пойдем, конечно, только когда синяки пройдут, ладно?

А пока я попрошу дядю Стаса сводить тебя в кафе.

– В «Мак»?

– Нет, в «Мак» ты пойдешь через неделю. Несмотря на то,

что мы на отдыхе, режим не нарушаем. «Мак» у нас раз в месяц, ты же помнишь?

– Помню, – бурчит Тимофей. – Вредности там всякие...

Через минуту из-за угла выбегает Даня, а следом за ним идет Лера с прогулочной коляской.

– О! Вы уже приехали? А Настя куда делась?

Я вспоминаю про Настю и прошу подругу присмотреть за Тимофеем и Даней. Сама иду в дом, снимаю обувь и верхнюю одежду и иду на второй этаж. У кабинета, который раньше принадлежал отцу, останавливаюсь.

– Слушай, в сотый раз тебе говорю – я ничего не знала. Да и откуда? Мы просто знакомы с ним, потому что я консультировалась после родов Дани.

– О чем это ты консультировалась?

– Господи, это важно?! – возмущенно спрашивает Настя.

Я решаю вмешаться, но останавливаюсь. Если кто-то и сможет обуздать Стаса, то только она.

– Стас, – уже более примирительным тоном говорит Настя. – Я ведь говорила тебе, что после родов консультировалась по поводу подтяжки груди. И недавно ходила на прием, ты забыл?

– Помню, – бурчит брат. – Ты не говорила, что это Измаилов.

– Ты имени не спрашивал. Он лучший доктор в нашем городе. Естественно, когда встал вопрос о том, чтобы наложить швы на лицо, я вспомнила о нем.

– Ты понятия не имеешь, через что прошла моя сестра из-за него.

– Ты никогда не рассказывал, – парирует Настя. – Я понимаю, это ваши семейные дела, я в них лезть не намерена, но и меня винить ты не имеешь права.

– Я не виню...

Следует пауза, во время которой я чуть отхожу от двери. Подслушивать нехорошо, однако я не могу просто бросить Настю. Стою в ожидании. Если брат набросится с обвинительными речами – влезу.

– Оля через многое прошла и без Измайлова, верно? Пережила смерть родителей, сама едва не распрощалась с жизнью. Макар просто ее бывший, Стас. Столько лет прошло.

– Он не просто ее бывший. Тимофей его сын.

Реакцию Насти я не могу увидеть, но слышу тяжелый вздох и что-то похожее на «Ох!».

– Он не знает об этом, верно? – уточняет Настя.

– Не знает.

– Не считаешь, что он должен узнать?

– Зачем это?! – возмущается брат. – Оля без него прекрасно растит сына. Уже шесть лет справляется. Незачем ему знать. Сестра в другой стране живет, им там будет лучше.

– Да что ты? – язвит Настя. – То есть ты бы обрадовался, скрывай я Даню еще пару лет?

– Ты другое...

– Конечно! Где же твоя мужская солидарность, Лебедев?

И почему ты лезешь в ее жизнь? Оля не жаловалась на то, что ее зашивал Макар, из клиники не убежала. В чем проблема?

– Она не справится, если он снова разобьет ей сердце.

– Может, перестанешь лезть в ее жизнь? Она взрослая женщина, такая же, как я и Лера, оставь ее в покое, пусть решает за себя сама.

Я зажмуриваюсь и ухожу, спускаюсь вниз. Если кого-то в кабинете и нужно защищать, то Стаса. Настя за себя сумеет постоять и отвоевать свою правоту.

Глава 11

– Отек стал меньше, синяки пожелтели, – радушно говорит Настя. – Скоро все снимут, и будешь красоткой, как и прежде.

– Всего лишь несколько шрамов останется, – отшучиваюсь я, хотя настроение так себе. – Вы не сильно из-за меня поссорились?

– Ой, какая ссора, – отмахивается она. – Ты же слышала. Он попытался меня продавить, пристыдить, а теперь вон ходит, не знает, с какой стороны подступиться.

Настя права, последнюю неделю Стас относится к ней нежнее обычного. Со мной брат практически не разговаривает, хорошо хоть взял под свою опеку Тимофея. У меня после травмы часто болит голова, поэтому приходится отдыхать больше обычного, а сын требует активных игр и беготни по двору.

– Ты когда в больницу?

– Мне на два.

От разговора с Настей и чашки кофе, которую мы решили с ней выпить, меня отвлекает незнакомый номер. Я жму «ответить» и прикладываю телефон к уху.

– Ольга Львовна? – приятный женский голос называет мое имя.

– Да, слушаю.

– Это из клиники вас беспокоят. Вы у нас на два часа записаны на прием. Подскажите, пожалуйста, вы не могли бы приехать к пяти примерно? У доктора Измайлова операция срочная, отложить не получится. Он освободится ближе к этому времени.

– Да, хорошо, – автоматически говорю я.

– Спасибо большое. Первый прием у вас у доктора Воробьева. Ждем вас.

– Кто звонил? – тут же спрашивает Настя.

– Из больницы. Перенесли прием.

– Тебя Стас отвезет?

– Нет, поеду на такси. Они там снова с Измайловым сцепятся, зачем это нужно?

Я, конечно, обо всем рассказала Насте. О нашей встрече с Макаром и о том, что не хочу говорить о сыне. Ее категоричность в вопросе необходимости рассказать все Измайлову пугала, и я решила обрисовать свою позицию. Настя заверила, что не станет рассказывать, потому что этот вопрос касается только меня, Макара и Тимофея.

– Поговори с ним. Я не говорю о сыне, а вообще. Узнай, какой он, можно ли ему доверять. Шесть лет прошло, Оля. Зачем лишать сына хорошего отца? Это сейчас Тимофею с тобой хорошо, а через несколько лет у него появятся вопросы к папе. Есть, конечно, Стас, но ты ведь понимаешь.

– Понимаю.

– Я не в восторге от своего поступка, – признается. – Бо-

ялась Стаса и его связей, думала, что он отберет у меня сына. Тебе бояться нечего. Измайлов, конечно, не последний человек в этом городе, но у тебя достаточно влияния. Макар неплохой мужчина, насколько я успела его узнать. Адекватный.

Я обещаю Насте подумать и поднимаюсь к себе. Снова болит голова. Ставлю будильник на три и забираюсь в кровать под теплый плед.

Просыпаюсь с тяжелой головой. В последнее время такое происходит часто, потому что ночью не всегда удается выспаться. Ну и сломанный нос, подозреваю, способствует плохому сну.

Когда выхожу из душа, на моей кровати сидит брат. Рядом с ним стоит мой старенький макбук.

– Ты его не забыла, да? – спрашивает, кивая на погасший экран.

Я сглатываю. Знаю, что он имеет в виду. Ту фотографию, которая стоит на заставке. Окошко хоть и маленькое, но наши с Измайловым счастливые лица невозможно не заметить.

– Твою мать, Оля! – рычит Стас. – Я столько времени с тобой провел. А психологи? Они тоже ничего не дали?

– Не дали что, Стас?! – я повышаю голос, хотя старалась этого не делать. – Измайлов не тиран какой-нибудь и не насильник, он просто ушел, понимаешь? Бросил меня, ничего не сказав. Мне нужны были ответы, а не психологи.

Я сильнее сжимаю полотенце в руках, потому что вдруг

чувствую полную апатию и бессилие. Хочется рухнуть на пол, обхватить себя руками и заплакать. Зарыдать в голос от бессилия. Я столько лет жила вдали от родителей, но под тщательным присмотром Стаса, что уже и забыла, каково это – принимать самостоятельные решения.

Разумеется, я решала, как мне рожать, в какой сад будет ходить Тимофей, кем мне работать, но в личной жизни всегда присутствовали родители и Стас. Они меня контролировали. После их смерти все изменилось. Стас остался здесь, а я вернулась в Америку. Казалось бы – полная свобода, но я разучилась. Забыла, каково это – быть свободной и решать за себя. Я всегда делала так, как правильно. Правильно по мнению родителей, брата, общества.

Странно, но осознаю я это только сейчас, когда брат, сидя на моей кровати, требует от меня ответа за промах.

– Почему ты ничего не сказала? – уточняет, блуждая по мне взглядом так, будто видит впервые.

– Потому что никто из вас не стал слушать. Ни ты, ни отец, ни мать. Вы все твердили мне, что он – не последняя моя любовь, что я обязательно встречу того самого, что Макар не достоин прощения.

– Но...

– А когда я забеременела, – бесцеремонно перебиваю оправдания Стаса, – вы говорили мне, что это только мой ребенок. Наш, Лебедев, что Измайлов никакого отношения к нему не имеет и знать не должен. Мама, если ты помнишь,

даже всерьез рассматривала возможность аборта.

– Она бы никогда не стала тебя уговаривать, – перечит Стас.

– Нет, конечно, потому что Тимофей – единственное, с чем я не согласилась. Я во всем вам потакала, но решение рожать было только моим.

С выдохом чувствую, как ослабеваю. Сил хватает только на то, чтобы дойти до кресла, стоящего в метре, и рухнуть в него.

– Чего ты хочешь, Стас? Узнать, не забыла ли я его? Или не собираюсь ли вернуться? Не забыла, но возвращаться мне некуда.

– Эй...

Стас аккуратно прикасается к моему плечу, но я тут же уворачиваюсь от его рук.

– Обиделась, что ли? – спрашивает примирительно.

Я жмурюсь, чтобы избавиться от слез, но когда брат обнимает меня за плечи и тянет к себе, они все равно скатываются по щекам.

– Дурочка, блин... я же переживаю за тебя, – тихо шепчет мне в висок. – Сказать сложно было, что ни хрена не прошло?

Я всхлипываю и делаю глубокий вдох. Несмотря на то, что пару минут назад я злилась на брата, я все еще его люблю.

– Три года назад, – говорит брат, поглаживая меня по спине, – ты сказала, что у тебя отношения. Они были?

– Нет, – отвечаю честно.

Какой смысл врать, если и так уже всё понятно? Все эти годы я создавала видимость.

– И когда уезжала, тоже соврала, что у меня мужчина есть, – предупреждаю его вопрос. – У меня тогда никого не было.

– Это я понял. Ты здесь не один день провалялась, Оль, а никто тебе не звонил и не переживал.

– Ты понял и все равно дал мне уехать?

– Пять лет прошло, я считал, что ты отпустила. Ну и тебе пора было привыкать жить одной.

– Пора, – соглашаюсь. – Я неплохо справлялась ведь, да?

– Ты и сейчас справляешься, малыш.

Я хмурюсь, потому что совершенно точно не справляюсь. Я больше не чувствую той решительности держать от Макара все в тайне, и это меня пугает.

Глава 12

В больницу я все же опоздала. Пришлось справляться с опухлостью и покрасневшими глазами.

У кабинета доктора Воробьева останавливаюсь и перевожу дух. На часах семнадцать десять. Я опоздала прилично, но все же стучу в дверь и опускаю ручку, толкая дверь вперед.

– Можно?

– Да, Ольга Львовна. Проходите, я уже вас жду.

Я быстро ныряю в кабинет и закрываю за собой дверь. Прием у доктора Воробьева – эдакий отвлекающий маневр от предстоящей встречи. Пока сюда ехала, всю дорогу думала о том, что совсем скоро увижусь с Макаром.

– Как самочувствие, Ольга Львовна? Отек, вижу, спал. Обоняние вернулось?

– Да, слава богу, вернулось, – киваю.

Несколько дней без запаха – та еще пытка. На прошлом приеме Дмитрий Евгеньевич сказал мне, что обоняния может не быть до месяца. Я сломалась на третьем дне. Жизнь без кофе – то еще удовольствие. Я зависима не столько от эффекта напитка, сколько от самого процесса. Держать в руке стаканчик, вдыхать аромат свежесваренного кофе и пары капель сливок – что еще нужно для счастливого утра? До вчерашнего дня я такой возможности была лишена и дума-

ла, что еще немного – и сойду с ума.

– Ну что ж... – говорит Дмитрий Евгеньевич после осмотра. – Вы явно идете на поправку. У вас после меня консультация у Макара Игнатьевича, верно?

– Да, он накладывал мне швы.

– Прекрасно. Пусть снимает их, кожа у вас хорошо затягивается. Снимет нитки, и будете как новенькая уже через пару месяцев.

– Что-то еще нужно пить? – решаю спросить.

– Нет. Если еще болит, можете обезболивающие.

– Голова стала болеть чаще, – сообщаю. – Это нормально?

– Да, абсолютно. Мы делали КТ, на снимках у вас все в порядке, просто постарайтесь побольше отдыхать и не волноваться.

Доктор Воробьев отпускает меня через десять минут, дает выписку и прощается. Из кабинета я выхожу с улыбкой. Несколько минут стою, не зная, куда идти. Где находится кабинет Измайлова, я понятия не имею. В прошлый раз он принимал меня в приемном. Я подхожу к девушке в регистратуре и спрашиваю, где находится кабинет Макара Измайлова.

– Вам нужно пойти прямо, а затем направо, – дружелюбно говорит она. – Кабинет двадцать один.

– Спасибо.

– Подождите, девушка. Доктор Измайлов еще не вышел из операционной. Там что-то затягивается, может, перенести запись?

Вдруг это судьба? Мне стоит отменить запись и уйти, не попрощавшись. Швы я могу снять в любой другой клинике, мне минуту назад сказали, что работа безупречна, а потому волноваться о своей внешности мне не стоит. Может, нам лучше не видеться? Все на это намекает, но вместо того, чтобы согласиться, я мотаю головой и отказываюсь:

– Спасибо, я подожду. Мне нужно увидеться с Измайловым именно сегодня.

– Тогда я передам доктору, что вы его ждете, как только он выйдет из операционной.

– Большое спасибо.

Я иду к указанному кабинету и сажусь на диванчик рядом. Минут через десять бесполезного листания ленты инстаграма я достаю ноутбук и приступаю к работе. Судя по тому, что мне предложили перенести запись, операция затягивается. Интересно, что там такого экстренного и тяжелого?

К моему удивлению, поработать мне все же удалось. Я написала целую главу, перечитала ее и осталась довольна результатом. Завтра обязательно прочитаю еще раз.

Смотрю на часы. Прошел целый час. Здание клиники опустело, даже обслуживающий персонал не ходит. Может, правда стоит уйти домой? Чего я жду? Вряд ли Макару после сложной операции будет до меня и моих тяжелых швов.

Несмотря на мысли, я остаюсь сидеть на месте, когда слышу разговор двух женщин. Они стоят, судя по всему, за углом и не могут меня видеть.

– Слышала, что прибывшая вчера пациентка Измайлова устроила скандал час назад?

– Ничего себе! А что так?

– Ей размер груди не понравился, – фыркает женщина. – Сказала, хотела больше, а Макар Игнатьевич – как всегда...

– Не прислушался к желанию пациентки?

– Ага...

Девушки начинают смеяться, а я почему-то на них злюсь. На них, а потом и на себя. Вот что я за дура такая? Сижу здесь, жду. А он, судя по всему, очередные сиськи пришивает, и ему совсем наплевать, что у него здесь, между прочим, люди на приеме!

Я быстро встаю с дивана, запикиваю макбук обратно в рюкзак и забрасываю лямку на одно плечо. Иду к выходу и замечаю, что девушек в регистратуре больше нет. Ну, отлично. Я там ждала, а ему даже никто обо мне не сообщил?!

На улице становится чуточку легче. Я быстро спускаюсь по ступенькам и вдыхаю полной грудью. Достаю из кармана телефон, чтобы вызвать такси, а затем замечаю на крыльце мужчину. Мне требуется пара мгновений, чтобы узнать в сидящем Измайлова.

Освещение позволяет, но Макар, судя по всему, меня не замечает. Смотрит невидящим взглядом перед собой и затягивается новой порцией сигаретного дыма. Выпускает струю в воздух, и только потом его взгляд цепляет меня. Сама не знаю, почему запикиваю телефон в карман и поднимаюсь по

ступенькам. Может, потому что пообещала себе с ним сегодня поговорить, а может, потому что вижу в его взгляде грусть и боль. Во всяком случае, мимо пройти не получается, я упрямо иду к нему навстречу.

Глава 13

– Что ты здесь делаешь? – устало спрашивает он, потирая переносицу пальцами. – Я просил перенести всех пациентов.

– А я сказала, что подожду, – отвечаю, присаживаясь рядом с ним. – Вот, решила, что ожидание затянулось, и собралась домой.

– Но не ушла, – замечает, делая очередную затяжку.

– Ты куришь?

Для меня это неожиданность, хотя сам процесс ему безупречно идет. Вот как так? Даже уставший, после изнурительной операции и с сигаретой в руках он выглядит, словно только что сошел с обложки модного журнала.

– Не курю, но иногда не могу сдержаться. Помогает отвлечься.

– Сложная операция?

– Не хочу об этом.

Макар встает, выбрасывает окурок в урну и поворачивается ко мне.

– Идем, я осмотрю тебя.

Я поднимаюсь, сжимая в руках лямку рюкзака. Отчего-то волнуюсь, хотя причин совсем нет.

В кабинете мы оказываемся через несколько минут. Измайлов пропускает меня вперед, указывает жестом на кушетку и идет в соседнюю комнату. Я раздеваюсь и присажива-

юсь, ставлю рюкзак рядом и складываю руки на коленях. Макар появляется через пару минут с тележкой, на которой разложены медицинские инструменты.

Измайлов подходит ближе, останавливается прямо напротив меня, включает светильник над головой и отклеивает пластыри.

– Да, пора снимать, – говорит тихо. – Может быть немного неприятно, обработать обезболивающим?

– Не нужно, потерплю.

Пока Макар сосредоточенно орудует над моим лицом, я позволяю себе его рассмотреть. Хмурость и залегшие под глазами тени придают ему возраста, но он все равно выглядит идеально. Мне бы такое волшебство после десятичасовой работы за ноутбуком.

– Вот и все, – сообщает, отодвигая тележку и выключая лампу. – Пластыри еще придется поносить, снимай только на ночь.

– Извини, что я так... вторглась. Не стоило мне тебя ждать, ты устал и...

– Прекрати, это моя работа. Дождалась – прекрасно. Домой я всегда успею.

– Ты выглядишь расстроенным. Не хочешь поделиться?

– Долго рассказывать, – отмахивается.

Через минуту начинает мигать свет. От раздражающих мельканий я зажмуриваюсь.

– Черт, что с лампочкой? – хмуро произносит Макар, под-

ходя к двери и ударяя по выключателю.

Через секунду свет гаснет, но когда Макар пытается включить его снова – не реагирует.

– Прекрасно, – в его голосе слышится раздражение.

– Видимо, поговорили, – произношу я. – Я пойду тогда. Спасибо.

– Куда пойдешь? – останавливает мою попытку надеть пуховик. – Дверь на магнитном ключе. Когда вырубается свет, она автоматически блокируется. Система безопасности. Сделали недавно, после ограбления. Свет отключился, и из клиники вынесли шприцы и сильнодействующие рецептурные препараты.

– Мы заперты? – переспрашиваю, потому что половину его слов пропустила мимо ушей.

– Да. Пока не подадут питание, придется сидеть здесь. Сейчас наберу охрану, узнаю, что случилось.

Я сажусь обратно на кушетку и ставлю пуховик рядом. Судя по отрывистым ответам и тяжелому «ясно», брошенному вперемишку со вздохом в трубку, мы тут заперты не на несколько минут.

– Охрана пока не в курсе. Запустили генераторы, но их отправили на реанимационное и другие отделения. Поликлинику не подключат, пока не разберутся с проблемой.

– Что ж... – хрипло говорю я. – Могу побыть твоим психотерапевтом на ближайшее время.

– Не накручивай, – говорит Измайлов, подходя ближе. –

Просто тяжелая длительная операция.

– Очередные большие сиськи?

– То есть так ты думаешь? – уточняет Макар. – Что вся моя работа – делать сиськи?

– Ты пластический хирург, – я пожимаю плечами, не понимая, что сказала не так. – Разве не это твоя работа?

– Это, – соглашается, но я слышу в его голосе сталь. – Конечно, только это.

– Ты меня неправильно понял, – оправдываюсь. – Твоя работа важна и...

– Разумеется, важна, иначе бы ты пошла зашиваться к хирургу в обычную клинику, который бы даже смотреть на тебя не стал. Дышишь, ходишь, значит, не в его компетенции.

Я замолкаю, понимая, что задела его за живое. Но я ведь правда не хотела обесценить его работу, ляпнула, не подумав, а теперь жалею. Хочется извиниться и забрать свои слова обратно, но я почему-то молчу. Слышу тяжелое дыхание Измайлова и его нетерпеливое расхаживание по кабинету.

– Расскажешь, какая операция была?

– Сиськи шил, – отвечает недовольно.

– Я серьезно. Извини за то, что сказала.

– И я серьезно, – говорит непоколебимо.

Я слезаю с кушетки и иду к окну. Если он не хочет со мной разговаривать – полюбуюсь сугробами снега и мелкими снежинками, что падают с неба. Через пару минут Макар оказывается рядом со мной. Ничего не говорит, просто смотрит

В окно.

– Я не хотела тебя задеть, – шепчу тихо.

Жду, что Макар ответит, но он все так же молча стоит рядом. Его руки сложены на груди, взгляд направлен в окно, губы сжаты в тонкую полоску. Он говорит, когда я перестаю ждать от него ответа.

– Наша клиника специализируется на хирургии, – произносит тихо. – К нам часто привозят тяжелых пациентов. Разумеется, я не участвую в операциях внутренних органов, но иногда приходится пришивать не только сиськи, Оля. Пациенты после ожогов, укусов, любых повреждений кожи – моя специализация. Сегодня привезли ребенка.

Он замолкает, а мое сердце екает. Мне до боли хочется его поддержать, и я не нахожу ничего лучше объятий. Протискиваясь между ним и подоконником, обхватываю Макара за талию. Он тут же размыкает руки и медлит пару мгновений, словно не зная, обнимать меня в ответ или отстранять. Я жду его решения и жмусь ближе. Боюсь, что выберет он не объятия, но ошибаюсь. Одна его рука обхватывает меня за плечи, вторая ложится на поясницу. Он прижимает меня к себе.

Глава 14

Его запах будоражит мои рецепторы. Я позволяю себе закрыть глаза и потереться о мягкую ткань его формы. Она пахнет стерильностью, а Измайлов – собой. И его запах мне ожидаемо нравится больше. Он такой... знакомый. Воспоминания тут же рисуют картину, как мы с Макаром точно так же обнимались, прежде чем разойтись. Вот ведь удивительная штука память. Достаточно одного-двух слов или касаний, чтобы она оживила что-то похожее и заставила почувствовать прожитый момент снова.

– Я правда не хотела, – шепчу.

Он молчит. Дышит шумно, и сердце у него бьется ускоренно, я чувствую. Тук-тук-тук – гремит под моей щекой. Когда Макар едва ощутимо шевелится, я вцепляюсь в его плечи и не отпускаю. Мне казалось, что это я его поддерживаю, а теперь получается, все наоборот?

– Эй, – говорит Макар.

Он скользит руками по моей спине, обхватывает меня чуть выше предплечья и отстраняет всего на несколько сантиметров, но этого оказывается достаточно, чтобы мне стало холодно.

– Макар, – шепчу, буравя взглядом пару красных капель на его форме.

– Ты чего? – непонимающе шепчет он.

Я и сама не знаю – чего, мне просто вдруг так хорошо стало рядом с ним. Тепло так, уютно, словно я оказалась дома. А теперь, когда я больше не вжимаюсь в него, мне кажется, что меня раздетую выставили на улицу и захлопнули перед носом дверь. Мурашки покрывают кожу, тело бьет озноб.

– Я не знаю, просто... – выдаю сбивчиво, отхожу.

И правда, чего это я? Мы с Макаром всего лишь бывшие, я решила его поддержать. Мне не должно быть плохо без его рук, наоборот, плохо должно быть рядом, от его запаха, от объятий, от всего, что с ним связано.

– Иди сюда.

Измайлов протягивает руку, тянет меня к себе, вжимает в свое тело снова, обнимает. Атмосфера вокруг нас моментально накаляется. Я чувствую это, а когда решаюсь посмотреть Макару в глаза, только это подтверждаю. Он лишь на меня смотрит. Долго, словно гипнотизируя. Одной рукой скользит по моей пояснице, спине, останавливается на шее, обхватывает ее и рывком тянет к себе. К губам.

Мгновение, и мы соприкасаемся в поцелуе, еще одно, и Измайлов усиливает напор, проталкивая свой язык мне в рот. Мне моментально становится жарко. Я хочу стащить неуместный вязаный свитер, который так и норовит слезть с плеча.

Никакой романтики, только голодный, поглощающий поцелуй, посылающий горячие импульсы по всему телу. Макар тут же задает темп – быстрый, напористый, жадный. Никакой

нежности, только голодная непреодолимая страсть, увлекающая нас в этот омут.

Один рывок, и я оказываюсь сидящей на подоконнике, еще один – это Макар прижимает меня к себе сильнее и встает у меня между ног. Его руки заползают мне под свитер, сминают кожу, оставляя на ней горячие следы.

Я сдаюсь, когда поднимаю руки вверх и позволяю ему стянуть с себя этот чертов свитер. Он летит куда-то в сторону, возможно, падает к ногам. Я остаюсь в одном нижнем белье, мы на мгновение прекращаем поцелуй, я смотрю в его глаза и вижу там полную потерю самоконтроля. Его попросту там нет. Зато есть страсть, похоть, желание обладать. Мной – прямо сейчас.

– Мы можем остановиться... – тихо говорит он, разрешая мне сделать выбор.

Думаю всего минуту. Мотаю головой. Останавливаться я не хочу. Решение принято. Окончательно. Я абсолютно трезвая, и я хочу его. Даже если сразу после пожалею.

После моего согласия Измайлов запускает руку в мои волосы и прижимает к своим губам. Снова пожирает поцелуем, запуская необузданное желание почувствовать его всем телом. Меня бросает в жар от всего, что он делает. Никто... никто после него так и не смог разбудить во мне страсть. Макар знает меня, до сих пор помнит мои чувствительные точки и касается меня так, как я того хочу.

Моя спина врезается в холод стекла, руки бесцеремонно

скользят по оголенным плечам Макара, а из губ вырывается хриплый стон вперемешку с его именем.

Глава 15

– Уверена? – горячее дыхание задевает мочку уха.

Он снова спрашивает. А я не понимаю, почему меня так сильно к нему тянет. Неужели он и правда особенный? Или просто умелый, знает меня лучше других. С незнакомыми мужчинами не всегда складывается все с первого раза. Это только в кино оба достигают удовольствия вместе. В реальной жизни все несколько иначе.

Мне так казалось до сейчас.

Я помнила наш с Измайловым первый раз. Те же безумные поцелуи, та же страсть, затаившаяся в глазах, нетерпеливое стаскивание одежды. Эти кадры я вспоминала на протяжении шести лет. Они снились мне по ночам. С них я списывала страсть для своих героев.

У нас тогда все получилось. Мы оба были на вершине удовольствия, но я списывала это на первые эмоции, чувства, на молодость, в конце концов. Я стала старше, меня предали. Он же и предал! Но мозг почему-то отчаянно отбрасывал эту мысль, хотя именно за нее и нужно было цепляться.

Измайлов решает не дожидаться моего ответа. Прижимает к себе и словно одержимый проводит губами вдоль моей шеи к мочке уха. Дальше мы лихорадочно сбрасываем остатки одежды и снова оказываемся в объятиях друг друга.

С другими мне нужна была долгая прелюдия. Все эти по-

целуи, касания, даже разговоры. Мне нужно было расслабиться, чтобы позволить мужчине прикоснуться к себе. А сейчас это кажется лишним. Я нетерпеливо ерзаю, пока Измайлов справляется с защитой, и охаю, когда это происходит. Его рука на моей пояснице, губы на моих губах.

Измайлов был похож на голодного, которому посчастливилось добраться до еды. Он ни на минуту не прекращал меня целовать и исследовать тело руками. Напористо, безумно, неистово он вел меня к краю, за которым терялось наше прошлое.

– Я... боже...

– Нас никто не услышит, – словно подслушав мои мысли, произносит Макар.

Всего четыре слова, и я зажмуриваюсь, чувствуя, как кровь вскипает в венах. Мне потребовались мгновения, чтобы отпустить себя и закричать, а после выкрикнуть имя, которое я обещала себе забыть:

– Макар...

* * *

Все закончилось через какие-то мгновения. Оглушающую тишину комнаты нарушали лишь наши тяжелые шумные выдохи. Макар первым приходит в себя, помогает мне надеть свитер и возвращает джинсы, валявшиеся на полу. Я лихорадочно одеваюсь, спешу, стараясь не смотреть в его сторону.

В голове набатом бьет лишь одна мысль «Этого не должно было произойти». Я стараюсь ее отогнать, но она, словно назойливая муха, продолжает жужжать в ушах. Хуже всего, что света по-прежнему нет. Я не могу просто схватить пуховик и выйти из кабинета, не могу сбежать.

– Ты в порядке? – спрашивает Макар, внимательно прощупывая мое лицо взглядом.

Киваю и отворачиваюсь. Делаю вид, что мне жутко интересен стеллаж с медицинскими инструментами.

– Жалеешь? – спрашивает.

– Нет.

Из всех чувств, которые я испытываю, сожаления нет и в помине.

– Я бы хотел попробовать снова.

К стеллажу я тут же теряю всякий интерес и перевожу взгляд на Макара. Он стоит, прислонившись к столу бедром. Смотрит на меня, и в его взгляде нет ни тени насмешки. Он говорит это серьезно.

– Попробовать что?

– А ты как думаешь? – вот теперь он усмехается, его губы растягиваются в улыбке, демонстрируя ямочки на щеках. – То, что между нами произошло, я бы тоже не прочь повторить, но сейчас я про отношения.

Если б прямо сейчас в кабинет вломились люди с оружием и в масках, я удивилась бы меньше, чем словам Макара. Он предлагает мне отношения. Попробовать снова. Забыть все

и...

Яркая вспышка света не дает закончить мысль. Я зажмуриваюсь и открываю слезящиеся глаза лишь через минуту.

– Оставаться здесь нет никакого смысла. Предлагаю поехать ко мне, есть хочу невыносимо, а в ресторан тащиться сил нет. Там и поговорим.

Не знаю, как выгляжу со стороны, но по моим ощущениям – глупо. В голове ни единой разумной мысли. Я чувствую растерянность и смятение, абсолютное непонимание ситуации.

– Оля, – напоминает о себе Макар.

– Прости, я... я не думаю, что стоит.

– Почему нет? Мы только что переспали. Нас явно тянет друг к другу. Не думаешь, что нам есть о чем поговорить? Можно и здесь, но повторяю, я ужасно голоден, и хрен их знает с этими перебоями, отключат нас до утра, мы тут в темноте и замерзнем. Отопления ведь тоже нет.

Я киваю. Да, наверное, он прав. И поговорить нам точно не мешает.

– Отлично.

Мой кивок Макар воспринимает как согласие, хватает пуховик с кушетки, помогает мне одеться и открывает дверь кабинета. Только оказавшись в машине, я вдруг понимаю, что мы едем к нему домой, но сил на отказ у меня нет.

Глава 16

– Закажешь еду? – спрашивает Макар и протягивает мне телефон.

– Хорошо, – соглашаюсь.

Блокировку он уже снял, мне достаточно зайти в приложение и оформить доставку. Макар просит заказать ему пасту с лососем и стейк. Для себя я выбираю «Цезарь» и оформляю заказ. На графе адрес зависаю. В приложении уже всё вписано, и мне остается только протянуть Макару телефон для завершения заказа и оплаты.

У него другой адрес. Понятия не имею, почему думала, что он живет в старенькой хрущевке своей матери. Пластические хирурги его уровня могут позволить себе хорошее жилье. Его новый адрес расположен не так далеко от больницы. В хорошем спальном районе. Подозреваю, что и дом там – одна из современных новостроек.

Я не ошиблась. Макар заезжает на территорию элитной многоэтажки и направляется на подземную парковку. Здесь он паркует автомобиль и ведет меня к лифтам. Всю дорогу чувствую себя странно. Через какие-то минуты я окажусь в его квартире. Зачем?

Когда лифт останавливается на этаже, я мимоходом бросаю взгляд на панель с цифрами. Последний этаж. Неужели пентхаус на два этажа? У двери, пока Измайлов возится с

ключами, вспоминаю о том, что дома меня ждет Тимофей и наверняка Стас. Открываю мессенджер и зависаю над строкой сообщения. Что написать? Я задерживаюсь? Буду позже? Приеду завтра? Откуда я знаю, когда вернусь?

«Не ждите меня, я приеду, как смогу. Я в безопасности. С Измайловым»

Жму «отправить» и перевожу телефон на беззвучный режим. Уверена, брат начнет звонить, а я совсем не хочу объяснять ему, почему вдруг поехала к Макару.

– Проходи.

Пропустив меня вперед, Макар заходит следом, ударяет по выключателю, и коридор, в котором я оказываюсь, озаряется мягким светом. Первое, что приходит в голову – здесь вкусно пахнет. Уютно так, по-домашнему и почему-то молоком. Я быстро стаскиваю обувь, отдаю Макару куртку и переминаюсь с ноги на ногу. Мебели в квартире мало, каких-то безделушек и предметов для уюта нет совсем.

– Я только переехал, – сообщает Макар. – До этого жил на съемной квартире. Ждал, пока здесь закончится ремонт.

– А квартира матери? – уточняю.

– Давно продана. Мама живет со своим мужем и успешно тратит вырученные с продажи квартиры деньги. Не мне ее судить.

Я быстро киваю. И правда, какая разница?

– Ты совсем недавно переехал? – спрашиваю, оказавшись на кухне.

Здесь стоит куча неразобранных коробок.

– Да, совсем. Ремонт только закончили, после клининга перевез вещи. Собирался справиться с распаковкой в новогодние выходные, но как видишь. Видимо, придется вызвать службу.

Я неловко останавливаюсь у широкой барной стойки и не знаю, куда деть руки.

– Ужин скоро привезут. Может, вина?

– Думаю, не стоит.

– Я все же открою бутылку, – с улыбкой говорит Макар и идет к холодильнику.

Краем глаза замечаю, что ничего кроме алкоголя там нет.

– Не смотри так, – заметив мой взгляд, с улыбкой говорит Макар. – Я почти не пью, по долгу службы дарят алкоголь. В холодильнике стоит процентов десять. К праздникам поставил, чтобы охладить для гостей. Остальное вон в том шкафу, – Измайлов кивает на большой шкаф в самом углу кухни. – Если хочешь, можешь посмотреть.

Его предложение оказывается для меня спасением. До того, как он нальет вина или придет доставка, я смогу сделать вид, что занята изучением ассортимента его мини-бара.

Открыв шкафчик, понимаю, что с «мини» я погорячилась. Скорее, наоборот. Все полки уставлены бутылками. Мой шокированный взгляд не укрылся от Измайлова.

– Это все пациенты. На полке справа вверху коробки с конфетами.

Он не врет. Я открываю дверцу и улыбаюсь. Тумбочка под завязку завалена разноцветными коробками.

– Половину я уже раздал, но часть все равно осталась.

– Ой, – восклицаю, когда одна из коробок вываливается мне прямо на голову.

Измайлов тут же оказывается рядом. Молниеносно захлопывает тумбочку и перехватывает мое лицо.

– Все в порядке?

– Это просто коробка, – бормочу сбивчиво, теряясь от его близкого присутствия.

– Точно в порядке?

– Да, все хорошо.

Измайлов отпускает меня через минуту, поднимает коробку с конфетами и кладет ее на стол.

– Мы обязаны их съесть, – улыбается.

– Да.

– Держи, – протягивает мне бокал с вином, а через минуту подталкивает уже открытую коробку.

Я мешкаю, и Макар достает конфету сам. Через мгновение он подносит ее к моим губам и нажимает. Я поддаюсь. Раскрываю рот и тут же чувствую вкус молочного шоколада. Жую с наслаждением, облизываюсь, съев конфету, и застываю, наткнувшись на взгляд Макара. Он смотрит прямо на мои губы.

Глава 17

Это безумие, но мы снова целуемся. Макар отбирает у меня бокал, отодвигает его подальше и, зажав меня в кольцо своих рук, сминает мои губы своими. Через минуту я оказываюсь сидящей на мраморной столешнице, а Измайлов бесцеремонно нарушает все возможные границы между нами. Обнимает, исследует, гладит.

О том, что мы ехали на разговор, я успешно забываю и вспоминаю, лишь когда от жадных поцелуев нас отвлекает громкий звонок его телефона.

– Твою мать! – бросает Макар и все же отстраняется, чтобы ответить. – Слушаю!

Я свожу ноги вместе и упираюсь руками в столешницу, на которой сижу. Странно так, но происходящее между нами кажется таким естественным и нормальным. Словно и не было между нами шести лет разлуки.

– Скоро буду, – бросает в трубку и поворачивается ко мне. – Прости, мне нужно ехать.

– Я понимаю, – киваю. – Дашь мне минутку? Где у тебя ванная?

– Нет, – Макар мотает головой и не позволяет мне спрыгнуть на пол. – Я хочу, чтобы ты осталась. Не уезжай, пожалуйста. Я закончу с операцией, и мы поговорим, ладно?

Я мешкаю. Он хочет, чтобы я осталась здесь, в его квар-

тире?

– Оль, пожалуйста. Я не могу отказаться от вызова, больше никому приехать.

Я понимающе киваю, и Макар принимает это за согласие, ищет ключи и набрасывает куртку на плечи. Только сейчас понимаю, что он так и не прикоснулся к алкоголю, словно знал, что его могут вызвать. А может, и правда совсем не пьет.

– Вот ключи, – протягивает мне связку. – Спальня на втором этаже слева. Найдешь. Дождись меня, ладно?

Он снова меня целует. На этот раз торопливо касается моих губ и тут же отстраняется. Через минуту я слышу хлопок двери и щелчок закрываемого снаружи замка. Несколько минут буравлю одну точку взглядом, после чего наконец слезаю со столешницы и иду осматривать квартиру.

О том, что вообще происходит, я обещаю подумать себе потом. Завтра, может быть, через неделю. Сейчас мне хорошо, я впервые за шесть лет ощущаю себя живым человеком, который принял решение самостоятельно. Я хочу остаться здесь и поговорить с Макаром.

Осмотр начинаю с ванной. Она расположена рядом с кухней. Здесь совсем пусто. Нет ничего в тумбочках, даже полотенце не висит. И на стеклянной душевой кабине отсутствуют разводы, видимо, она еще ни разу не использовалась.

Мило и пусто, делаю вывод и поднимаюсь в спальню. В шкафах почти нет одежды, если не считать нескольких ме-

дицинских костюмов, пары рубашек и джинсов. На прикроватной тумбочке стоит зарядная станция для телефона, наушников и часов. Постельное белье серое с белой простыней. По-мужски. В спальне тоже пусто.

Нахожу на втором этаже еще одну комнату. Она заперта на ключ. В связке, которую мне дал Макар, ключа к замку нет. Третья дверь ведет в дополнительную ванную комнату.

Обустроено все довольно мило и слишком стерильно. На умывальнике дозатор с мылом. Открываю тумбочки. Там несколько бутылочек с шампунем и жидким мылом, пена для бритья, бритвенные станки. На верхней полке взгляд цепляет фиолетовую мочалку и детский гель для душа. Я знаю эту марку, потому что покупаю ее для Тимофея. Видимо, Макар предпочитает мыться детским гелем, потому что обычного у него нет.

Вторая тумбочка полностью пустая. На сушилке висят два больших полотенца. Одно серое, второе темно-синее.

Возвращаюсь в спальню, нахожу там выход на террасу. Сразу же попадаю в оазис красоты и уюта. Видно, что здесь неплохо поработал дизайнер. Туи, высаженные в горшки, топиарии в виде небольшого мишки и слона. Выглядит красиво и словно сделано для ребенка. Тимофею бы здесь понравилось. В центре расположен стол и кожаный диван, припорошенные снегом.

Терраса большая, переходит на вторую комнату, но выйти из нее на террасу нельзя. Вместо двери здесь большое пано-

рамное окно. Разглядеть, что внутри комнаты, я не могу, так как окно изнутри закрыто тюлем и шторами в пол.

Осмотрев все, спускаюсь вниз. Здесь еще одна спальня. В ней – завал из коробок. Заглядываю в парочку, но ничего интересного не нахожу. Вещи, книги, какие-то статуэтки. В одной – коллекционные машинки. Я покупаю такие Тимофею, он любит. Их собирают и взрослые. Даже удивительно, что у Макара с сыном столько общего. Даже интересы совпадают.

Я обхожу квартиру за час. Заглядываю в каждый уголок. На кухне выливаю вино из бокалов в раковину, мою их и ставлю сушиться. Бутылку закупориваю и возвращаю в холодильник. Минутой позже слышу щелчок дверного замка. Макар вернулся? Делаю несколько шагов к выходу из кухни и замираю, слыша знакомый женский голос:

– Макар? Ты дома?

В первые мгновения приходит мысль спрятаться, но я тут же ее отгоняю. Бред. К чему мне прятаться от его матери?

Она ожидаемо появляется на кухне, но я все равно вздрагиваю. Видимо, это ощущение антипатии к ней никогда не пройдет. Она останавливается на пороге, смотрит на меня ошарашенно, моргает, словно я призрак.

– Здравствуйте, – вежливо здороваюсь.

Она изменилась. В последний раз, когда я ее видела, она была похожа на законченную алкашку, которой и была. Сейчас же передо мной стоит совсем другая женщина. Хороший образ жизни и деньги сына сотворили чудеса – она похожа

на обычную женщину, и многие годы алкоголизма на ее лице незаметны.

– А вы... уборщица? Макар говорил, что наймет кого-то, чтобы разобрали коробки.

Ответ замирает в горле, когда на кухне появляется веселый мальчик. Он возникает неожиданно, словно из ниоткуда, со словами:

– Ба, а папы нет!

Глава 18

На первый взгляд мальчику лет пять. И разговаривает он довольно внятно. Я непонимающе хлопаю глазами, жадно рассматривая ребенка. Темные, растрепанные в разные стороны волосы, внимательный цепкий взгляд карих глаз и кругленькое милое лицо. Глаза не как у Измайлова, но это ведь и необязательно. Тимофей унаследовал цвет глаз Макара, но я допускаю, что так бывает не всегда. Видимо, гены матери были сильнее.

Матери.

Учитывая, сколько лет мальчику, не думать о ней невозможно. Интересно, кто это был? Кто родил Макару ребенка почти одновременно со мной? Впрочем, какая разница? Сам факт, что у него была другая в одно время со мной, простреливает очередную дыру в груди. Одна там уже есть, она тут же начинает кровоточить. А я, дура, думала, все забудется, и мы начнем сначала.

– Вы чего стоите? – суется Ирина. – Мы вам не помещаем, я отведу Степу в его комнату. Продолжайте.

– Может, покажете, что куда ставить? – спрашиваю. – Мы с... владельцем квартиры не успели поговорить. Его вызвали на операцию.

– Конечно, – кивает она, подходя ближе.

Начинает открывать тумбочки, показывает, куда ставить

бокалы, тарелки, чашки. Разворачивается ко мне и впивается взглядом.

– Вы что, первый день работаете? – уточняет. – Разложите, как вам удобнее. Жанна приедет и все разложит, как ей больше понравится.

– Жанна?

– Степ, иди пока к себе, – Ирина протягивает ему ключи и кивает на второй этаж.

Мальчик подбегает к нам, хватая связку и быстро поднимается по лестнице. Дождавшись, пока он исчезнет из виду, она поворачивается ко мне.

– Мама Степана. Вас нанимал мой сын, так как его жена сейчас в командировке. Вызвали по работе в Новый год, представляете?

Ответить она мне не дает, мило улыбается и продолжает:

– Раз уж вы тут, не поможете? Мне нужно кое-какой документ достать в комнате сына. У меня частенько бывает головокружение, возраст, знаете ли, дает о себе знать. Там нужно на стремянку забраться. Макар привык документы хранить черт-те где. Столько раз ему говорила, чтобы ставил пониже.

– Вы знаете, я...

– Я попрошу сына, чтобы он вам доплатил, – спохватывается. – Или я сама заплачу. Наличкой, идет? Вы меня очень выручите.

– Не нужно доплачивать, я помогу.

Вместе с ней мы поднимаемся на второй этаж. Ирина впе-

реди, а я иду позади. Пока мозг работает заторможенно. Я не могу найти причину, чтобы поскорее уйти. Да и пазлы в моей голове никак не складываются. Если Макар женат, то зачем всё это? Зачем везти меня к себе домой, где я могу увидеть счастливые семейные фото? И ладно бы везти, чтобы напоить и переспать, он ведь меня оставил здесь одну.

– Вот стремянка, – Ирина указывает на небольшую нишу в стене. – Документы на самой верхней полке в шкафу. В папке синей.

– Хорошо.

На то, чтобы достать синюю папку, у меня уходит пара мгновений. Я слезаю, протягиваю ее матери Макара и хочу убрать стремянку, но она меня останавливает:

– Погодите. Я достану свидетельство о браке и отдам вам папку, вернете ее обратно.

Ирина быстро перебирает документы, достает тот, который ей нужен, и несколько минут его рассматривает. Улыбается, будто предалась воспоминаниям. Я же не могу устоять и тоже заглядываю. Это действительно свидетельство о браке. Измайлов Макар Игнатьевич и Ольховская Жанна Демьяновна.

– Шесть лет назад поженились, а будто вчера, – с улыбкой говорит Ирина. – Жанна попросила меня заламинировать бумагу. Мы недавно с мужем продали квартиру и переехали. Прямо в нашем доме типография, представляете?

– Представляю, – отвечаю сбившимся голосом.

Мой взгляд падает на дату заключения брака. Через месяц после нашего расставания. Он женился через месяц.

– С вами все в порядке? – спрашивает обеспокоенно. – Вы побледнели.

– В порядке, – киваю. – Я пойду. Приду потом... когда Макар будет дома.

– Э-э-э, зачем? – летит мне в спину, но я не слушаю.

Быстро спускаюсь по ступенькам и иду к двери. Если после слов Ирины у меня оставались сомнения, и я собиралась дождаться Макара, чтобы обо всем поговорить, то сейчас эти сомнения развеялись. Он женат, и у него есть сын.

– Куда же вы? – звучит за спиной, когда я надеваю ботинки. – Папку на место так и не поставили.

– Домой. Забыла плиту выключить.

Схватив с вешалки у двери пуховик, выскакиваю в подъезд и, стерев скатывающиеся по щекам слезы, нажимаю на кнопку лифта. Ольховская Жанна. Я прикрываю глаза. Я всегда ревновала его к ней. К соседке, которая жила за стенкой и частенько бывала у него дома. Макар утверждал, что они просто друзья. Видимо, дружба закончилась, и началась любовь.

Глава 19

Такси приезжает не сразу. Я успеваю отморозить щеки и почувствовать онемение пальцев ног. Хочется поскорее добраться домой и залезть под одеяло. На мобильном около тридцати пропущенных от Стаса и еще десяток сообщений. Их я не рискнула даже открыть.

В машине я почти моментально согреваюсь. Когда доезжаю домой, становится даже жарко. О том, что я только что пережила, стараюсь не думать. Фиксирую внимание на проезжающих мимо автомобилях и мелькающих витринах магазинов. Это помогает. Домой я приезжаю спокойная, с четким пониманием, что делать дальше.

– Ты где была? – налетает Стас с порога.

Он взволнован. Замечаю в его руках сразу два телефона. За спиной мельтешит Настя, тоже взволнованная.

– Я успел выбить номер Измайлова, но он мне так и не ответил! – рявкает. – Какого хрена, Оля?

– Стас! – возмущаюсь. – Во-первых, что за тон? Во-вторых, ты разве не получил смс, что я в безопасности?

– Ты написала, что с Измайловым. Это, по-твоему, безопасность?

– Да, это безопасность. Я жива и здорова. Еще вопросы будут?

Когда я ехала домой, надеялась, что меня встретят родные

стены и любящие люди, но никак не ожидала «такого» приёма.

– Где Тимофей? Мы, пожалуй, поедem на квартиру.

После моих слов взгляд Стаса немного смягчается. Он молчит и уже спокойно просит:

– Не нужно никуда ехать, извини. Я просто... переволновался. Тимофей уже спит.

– Да, я понимаю, но мы все же лучше уедем.

Я быстро иду к лестнице, чтобы подняться на второй этаж. Прежде чем сделать шаг на ступеньку, поворачиваюсь к Стасу:

– Отзови юристов, пожалуйста. Не нужно ничего проверять и пересчитывать по налогам. Я завтра же заплачу долг и куплю билеты. Надеюсь, послезавтра можно будет улететь. Праздники прошли, выходные не скоро, надеюсь, банк зачислит деньги сразу.

– В смысле? Ты собралась уезжать?

– Давно пора, – пожимаю плечами и начинаю подниматься по лестнице.

Стас не оставляет меня, поднимается следом, заходит в комнату и закрывает за собой дверь.

– Расскажешь, что произошло?

– О чем ты? – сглатываю.

Пока Стас не спешит отвечать, достаю из шкафа чемодан и начинаю складывать вещи.

– Оля... что случилось?

– Ты знал, что он женат?

Удивительно, даже голос не дрожит. Не исключено, что это просто шок от происходящего. Пройдет время, и меня обязательно накроет. Не может все, что случилось сегодня, пройти бесследно.

– Знал.

Стас вздыхает, а я вдруг чувствую бессилие. Опускаю руки, делаю глубокий вздох и сажусь на край кровати. Знал.

– И почему не сказал?

– Оля...

– Нет, правда? Почему?

– Это что – важно? Какая разница?! Ты сказала, что не собираешься ему говорить!

– Я не собираюсь, – киваю.

Но от ошибки меня это не спасло. Прикрываю глаза. Хочу остаться одна, поворачиваюсь к Стасу.

– Выйди, пожалуйста.

– Давай поговорим, – предлагает. – Ты скажешь, что случилось.

Рассказывать Стасу о том, что отдалась Макару прямо в его кабинете, когда отключили свет, я, конечно, не собираюсь. Мотаю головой, давая понять, что разговора не выйдет. Я просто не считаю нужным рассказывать. Решение я приняла по пути домой. Оплатить налог, купить билеты, уехать и забыть. Все довольно просто.

– Ладно, поговорим завтра, – смягчается Стас.

Я соглашаюсь, хотя разговаривать не собираюсь. Я девочка взрослая, могу решать за себя.

– У Макара теперь есть твой номер, – говорю брату в спину. – Заблокируй его. И ни при каких обстоятельствах не давай мой. И не говори, где я.

– Ты не скажешь, что случилось, да?

– Просто сделай так, как прошу. Я не хочу его видеть. Никогда больше.

Больше брат не задает вопросов и выходит из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. Я же медленно собираю вещи, застегиваю чемодан. Душ принимать нет сил, поэтому сбрасываю одежду и забираюсь под одеяло. Несколько минут грею холодную постель, съеживаюсь от холода и... чувствую его запах. Он все еще на мне. На коже, в волосах, под ногтями. Я прикрываю глаза и вижу перед собой наши сплетенные тела.

Глава 20

– Я правильно понимаю, вы хотите выплатить весь долг без перерасчета?

Юрист, которого нанял Стас, смотрит на меня удивленно. Еще бы. Он настроился на очередной выигрыш дела, думал, что нагнет налоговую, а тут – клиент решил заплатить всю сумму сразу без разбирательств.

– Именно это я и хочу сделать. Прошу вас поучаствовать, проконтролировать зачисление и, если это возможно, ускорить его. Я хочу улететь как можно раньше.

– Не подскажите, к чему такая спешка? Это ведь не маленькая сумма, вы понимаете?

– Понимаю. Я уезжаю по личным причинам и не собираюсь здесь задерживаться.

Эта самая личная причина названивает мне третий раз подряд. В первый я сглупила и ответила, тут же услышав в трубке голос Макара. Сбросила сразу же. Даже слушать не стану. У него жена и сын возраста Тимофея. Если он поэтому меня бросил, то хотя бы мог сказать, что моя ревность не беспочвенна, и он действительно переспал со своей соседкой. А если причина была в другом, и с Жанной они переспали уже потом, то... какая, к черту, разница? У них ребенок и семья. Судя по всему – счастливая.

– Может быть, вы подумаете?

– Я все сказала, – поднимаюсь. – Если не хотите помочь, я найду другого человека.

– Нет, что вы, – поспешно идет на попятную. – Помогу, конечно же. Вы присядьте.

Дальше разговор идет о том, как лучше произвести оплату, чтобы выехать как можно раньше. Здесь меня больше ничего не держит. Договорившись, я бросаю на стол оплату по счету и поднимаюсь из-за стола. У автомобиля такси, которое я вызвала через приложение, останавливаюсь, потому что Макар звонит мне в четвертый раз. Я сбрасываю и отправляю его номер в черный список. Где он раздобыл мой номер, догадаться нетрудно, мне ведь звонили из клиники, подозреваю, с его обаянием и умением угождать женщинам раздобыть номер бывшей задача из разряда легких.

В автомобиль сажусь полностью спокойная. Я уверена, что это затишье перед бурей, и жду последнюю, словно музу. Я уверена, что она обязательно наступит. Возможно, тогда, когда я вернусь домой, возможно, в самолете или здесь, когда я особенно неподготовленная и незащищенная. Соскребать себя со дна мне не впервой, я обязательно справлюсь, но лучше, если это произойдет не здесь.

По пути домой юрист сообщает мне, что проблема решена, мои деньги будут зачислены послезавтра к обеду, соответственно, я могу покупать билет. Вот и прекрасно. По пути даже забронировать два билета успеваю. Прощание со Стасом будет болезненным, но, я уверена, быстрым. Брат обяза-

тельно меня поймет.

У ворот дома на телефон снова поступает звонок. На этот раз с неизвестного номера. Отвечать я не собираюсь, потому что прекрасно знаю звонящего. Что ему от меня нужно? Хочет извиниться? Скажет, что я не так все поняла? Или попросит ничего не говорить жене? Шесть лет назад он ушел, не сказав напоследок и пары слов, а сейчас в гордом молчании хочу уйти я. Его жене я, конечно, ничего не скажу. Да и что говорить? Что он предпочел меня ей, а спустя шесть лет решил проверить, правильно ли поступил? Бред... и звучит ужасно жалко.

Глава 21

– Ты точно уверена, что хочешь уехать? – спрашивает Настя, пытаясь покормить Даню, который ни в какую не соглашается.

Я наблюдаю за этим с улыбкой. С Тимофеем таких проблем нет. Он у меня мальчик послушный, воспитанный, ест, если я говорю, что нужно.

– Стас его разбаловал, – бубнит Настя. – Всегда меня слушался, а как папа появился, я больше не авторитет.

– А раньше слушался?

– Всё, иди, – говорит Настя сыну, теряя терпение.

Даня быстро слезает со стула и направляется в детскую комнату. Тимофеем при этом остается за столом, доедает и только после идет следом. Только сейчас начинаю задумываться, что сыну не хватает мужского воспитания. Тим ни разу мне не возражал, всегда слушался и соглашался. Я всегда радовалась послушанию сына, а сейчас меня это тревожит.

– Раньше Даня вообще другим был. Как твой Тимофей, – улыбается Настя, не подозревая, что задевает меня словами. – Послушный и спокойный. А теперь – сорвиголова.

Я не знаю, что ответить. Теряюсь. Может, и правда сыну нужно мужское внимание? Только где же его взять? Не идти же, в самом деле, к Макару со словами: «У тебя есть

сын, займись его воспитанием». Еще несколько дней назад я именно так и планировала сделать, а сейчас... он счастливо женат и уже воспитывает ребенка. Зачем ему я и Тимофей?

– Ты уже точно решила уезжать?

– Билеты куплены.

– Может...

Договорить Насте не дает звонок телефона. Она отвлекается, отвечает, а через секунду бросает в трубку:

– Скоро буду.

– Что-то случилось?

– Стас, – Настя закатывает глаза. – Нина капризничает, он уверяет, что уже всё перепробовал. Расплатишься сама? – просит, оставляя на столе купюры. – Ждать некогда.

– Забери деньги, я что, за кофе не заплачу?

– Не заберу, – улыбается и, подхватив одежду, уходит.

Я прошу у официанта счет и спокойно допиваю свой капучино, когда ко мне за столик подсаживается та, кого я бы хотела видеть меньше всего на свете. Жанна – жена Макара.

Глава 22

В последний раз мы с ней виделись шесть лет назад. Я помню, приходила к Макару, а она вышла и сказала, что он уехал. Затем еще и мама его вышла, подтвердила ее слова. Помню, как она тогда брезгливо скривилась и сказала, что таким, как я, не место в жизни Макара. Что я обязательно изуродую ему будущее и разобью сердце. Что же она делает сейчас здесь?

Я не знаю, как правильно реагировать на ее бесцеремонное вторжение. Она же чувствует себя словно рыба в воде, аккуратно вешает сумочку на спинку стула, а затем поворачивается ко мне лицом. Перебросив ногу на ногу, плавным жестом подзывает официанта и просит принести ей матча латте.

Жанна изменилась. Стала женственнее, выше, аристократичнее, что ли. В сидящей напротив женщине я больше не могу отыскать девушку, которая неуклюже пыталась составить мне конкуренцию и всегда проигрывала. Сейчас Ольховская выглядит так, что теперь я чувствую себя неспособной составить конкуренцию.

Она даже в кафе оделась, словно аристократка, а я нацепила спортивный костюм, схватила первый попавшийся рюкзак, у которого по дороге отвалилась ручка. Даже стыдно, что я выгляжу так жалко и недостойно. Плечи расправить и

гордо вскинуть голову не получится.

– Думаю, ты меня узнала, – улыбнувшись лишь краешками губ, говорит Жанна. – И почему я пришла, тоже догадываешься.

– Узнала. Почему пришла – понятия не имею.

– Что ты делала в нашей квартире?

Интересно, ей Макар рассказал, или же к Ирине снизошло озарение, и она вспомнила меня? А может, и не забывала? Состроила дурочку, чтобы спровадить конкурентку и сохранить брак сына.

– Если тебе известно, что я там была, то ты наверняка должна знать и то, что я там делала.

Жанна недовольно кривится, словно я сказала что-то ужасно неприятное.

– Мне свекровь сказала, – она довольно улыбается. – Ты же не думала, что у нее есть от меня секреты?

– Буду честной, я была уверена, что она меня даже не узнала.

– Она и не узнала. Я по камерам посмотрела.

– Тогда тебе должно быть известно, что я делала в твоей квартире, и этот разговор не имеет смысла.

Внешне я сохраняю абсолютное спокойствие, но внутренне чувствую себя так, будто к сердцу приложили кусок раскаленного железа. Не понимаю, зачем Жанне потребовалось со мной встретиться.

– Ты как была сукой, так и осталась. Ирину едва инфаркт

не хватил, когда она узнала, кто был в квартире Макара. Хороша же ты, шесть лет не было – и явилась. В трусы к моему мужу успела залезть или он на тебя не позарился?

Не знаю, что ранит меня сильнее – ее презрительный тон или осознание, что именно так это и выглядит со стороны. Все шесть лет, что меня не было, они наверняка были счастливы, а я вернулась и в одно мгновение встала между ними. Как она выразилась, «залезла в трусы к ее мужу».

– Я знаю, что залезла, – Жанна усмехается. – Макар всегда был равнодушен к красивым женщинам, тебе ли не знать. А тут такой шанс – переспать с бывшей, которая вовсе не прочь раздвинуть перед ним ноги.

– Не могу сказать, что рада была увидеться, – говорю совершенно спокойно и встаю из-за столика. – И надеюсь, мы больше не встретимся.

Вступать с ней в конфликт не собираюсь, потому что мне, в отличие от нее, бороться не за что. Ну и достоинство я бы хотела сохранить, а не втоптать в ту кучу дерьма, которую она вывалила за жалкие минуты.

Я надеюсь уйти тихо, но у меня получается лишь запахнуть пальто, когда ко мне подбегает сын.

– Мы уже уходим? – спрашивает, а я стою и немо смотрю на него. Ни слова сказать не могу. – Мам... – настаивает. – Мне одеваться?

– Одевайся, – киваю. – Мы уходим.

Тимофей исчезает так же быстро, как и появился. Бежит

к детской комнате, чтобы забрать свою одежду, а я поворачиваюсь к Жанне, которая переводит взгляд с меня на него и обратно.

– Это что? – брезгливо уточняет она.

Я набираю в легкие побольше воздуха и подхожу к ней ближе. Хлопок ладони о стол привлекает ее внимание, и она ошарашенно на меня смотрит.

– Обо мне говорить можешь что угодно и как угодно, а на сына моего даже смотреть не смей. Живите себе спокойно, мы завтра уезжаем и, надеюсь, никого из вас больше не увидим!

– Ты не сказала ему о сыне? – ошарашенно летит мне в спину.

– Нет. И тебе советую заткнуться. В твоих же интересах сделать так, чтобы Измайлов о нем не узнал.

Я запахиваю пальто и перебрасываю тот самый рюкзак с оторванной ручкой через плечо. Уцелевшая ляжка, к счастью, это позволяет. У детской комнаты помогаю Тимофею одеться и веду его к выходу. Хочу поскорее уехать, потому что чем больше времени мы здесь находимся, тем больше людей начинают узнавать мою тайну.

Глава 23

– К сожалению, издательство не может напечатать роман в таком виде, – мой агент смотрит на меня с сожалением.

– И в чем причина отказа? – непонимающе спрашиваю.

За последние несколько лет Линда, мой неизменный агент, успешно меня продвигала, и мы не получали ни единого отказа, да и мои постоянные читатели ждут выхода новинки. Они будут разочарованы, если книга не увидит свет в ближайшее время.

– В депрессивности, – Линда вздыхает. – Я прочитала то, что ты прислала, и согласна с издателем.

– Согласна?

– Может, ты не ту рукопись прислала? – с надеждой спрашивает Линда. – Та, что я читала, действительно депрессивная. Читателям не понравится. Они привыкли к твоей легкости, к юмору, к реальности, которую ты не стараешься приукрасить, но высмеиваешь.

После встречи с Макаром прошел всего месяц. За это время я завершила книгу и считала, что отлично с этим справилась, но... видимо, что-то все же пошло не так. Мое состояние после отъезда сильно повлияло на творчество, и я согласна с Линдой – завершение вышло депрессивным. Я это понимала, но хотелось закончить именно так и не иначе.

– У тебя есть два месяца на то, чтобы переписать. Сле-

лай, как обычно. Заверши счастливо и без излишней драмы. Там ведь можно. После третьего переломного момента можно было свернуть в счастье.

– Для этих героев я вижу такой финал.

– То есть переписывать ты не будешь?

У нас с Линдой сложились доверительные отношения, благодаря которым мы обе выходили в хороший плюс. Мои книги печатали, мне платили неплохие гонорары, а Линда зарабатывала свои проценты. Чем больше продвижение, тем больше денег она имела, а сейчас я задержала завершение, да и получилось оно не таким, как все ожидали. Издательство отказывается печатать, а это существенное снижение доходов, да и Линда права – неизвестно, как отреагируют читатели онлайн-площадки.

В том, что они купят, я не сомневалась, но станут ли покупать и дальше? Начало романа был веселым и интересным, но к концу я свернула не туда. Думаю, купившие останутся недовольны концовкой и со следующими романами будут аккуратны.

– Я не вижу другой концовки.

– Оля... – Линда вздыхает. – Я тебе сказала, какие варианты. Есть еще один – писать новый роман и пытаться протолкнуть его, но это, ты сама знаешь, не пара месяцев. Все затянется, плюс пока напечатают, люди снова будут ждать, часть о тебе забудет. Мы не можем так рисковать. Ты читала комментарии? Там шквал недовольных, ждут, когда книга

выйдет, а мы ее отодвигаем. Ты ведь обещала им этих героев.

– Обещала. Я пока не знаю, что буду делать. Дай мне несколько дней, я подумаю и решу, стану ли переписывать роман.

– Хорошо, конечно. Я передам издателям, что тебе необходимо подумать.

Мы с Линдой сидим еще некоторое время. Я пью карамельный латте, она – имбирный чай. Почти ни о чем не разговариваем. Нас сложно назвать подругами или даже приятельницами. Нас связывает ее умение продвигать писателей и мой талант. Поэтому, когда Линда встает и кладет на стол купюры, чтобы оплатить свой заказ, я сдержанно с ней прощаюсь.

Что делать, я пока не знаю. Я закончила роман без счастливого конца, потому что так видела, но вместе с тем прекрасно понимаю, что на меня повлияло случившееся с Макаром. Я ведь не зря приписала главному герою ребенка, которого он растил втайне от героини и молчал, чтобы не ранить ее чувства, ведь она не могла иметь детей.

Изначально я совсем не это планировала, сюжет был другим, герои – более живыми и легкими, не такими настоящими и несчастными. Но и переписывать совсем не хочется, потому что мой хеппи-энд такой же, как и у героини моего романа – узнав о другом ребенке, она уходит, а потом узнает, что беременна, но не сообщает Себастьяну и растит сына одна. Именно это я и планирую делать в ближайшие годы, и

мне, кажется, пора забирать Тимофея из садика.

* * *

Продолжение истории под названием «Отец для двоих»